Петр Столыпин

Знаменитые люди планеты

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя российского премьер-министра П.А.Столыпина, выдающегося государственного деятеля и реформатора, занимает особое место в отечественной истории. Этого человека, наделенного многими талантами, политика, обладавшего, несомненно, стратегическим мышлением, даром рассудительности и способностью точно анализировать сложившуюся ситуацию, современники называли «консервативным либералом» и «либеральным консерватором». Столыпин выступал сторонником последовательных и решительных, но в, то, же время гибких преобразований в самых разных сферах общественной жизни. Среди его важнейших свершений – знаменитая аграрная реформа, представлявшая собой настоящий национальный проект, целью которого было укрепление главного производительного социального класса Российской империи – крестьянства.

- Д. В. Табачник, В. Н. Воронин
  - «Простой и мужественный образ…»
  - Глава I «Deo spes mea»
  - Глава II По стопам предков
  - Глава III Гродненский губернатор
  - Глава IV Во главе «трудной губернии»
  - Глава V «Жребий брошен…»
  - Глава VI Председатель Совета министров
    - Попытка создания коалиционного кабинета
    - В борьбе с «великими потрясениями»
    - «Возведение лесов»
    - Драма 3 июня
    - «Путь созидательной работы»
  - Глава VII «Счастлив умереть за царя…»
    - Подготовка к киевским торжествам
    - Господа охранники
    - Начало. Явление «Аленского»
    - «Николай Яковлевич» и «Нина Александровна»
    - 18 ряд, кресло № 406
    - Смерть премьера, следствие и казнь на Лысой горе
    - «Вихрь предположений»
- notes
  - 1

Д. В. Табачник, В. Н. Воронин
Петр Столыпин

Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей.

П. А. Столыпин

Меня вела моя вера…

Из последнего письма П. А. Столыпина жене (28 августа 1911 года)

«Простой и мужественный образ…»

Один из соратников Столыпина – Иван Иванович Тхоржевский (занимавший важный для реализации аграрной реформы пост помощника начальника Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия МВД) – вошел в историю не только как видный государственный деятель императорской России, а потом и Белого движения. Он также являлся талантливым поэтом и переводчиком, в том числе автором прекрасных переводов Омара Хайяма. Памяти погибшего, подобно воину на поле брани, за «Веру, Царя и Отечество» великого премьера-реформатора, заплатившего собственной жизнью за проводившуюся с нечеловеческой энергией политику коренного обновления всего строя государственной и общественной жизни империи, он посвятил следующие поэтические строки:

Он – был из одного куска,
Как глыба цельного гранита.
И мысль его была ярка,
Неустрашима и открыта.
Уже забытою порой
Полубезумного шатанья
Вернул он к жизни – твердый строй,
Вернул он власти – обаянье.

В этих простых, лишенных ненужного пафоса словах, точно и исчерпывающе характеризуется вся суть «эпохи Столыпина», вернувшей не только «твердый строй», но и «обаянье» власти. Именно «обаянье» – пусть данное определение и звучит несколько непривычно. Выскажем мысль: именно благодаря тому, что после смерти Столыпина власть начала стремительно утрачивать «обаянье», стали возможны дальнейшие революционные потрясения (те самые «полубезумные шатанья»), под знаком которых прошла большая часть отечественной истории XX века и которые продолжают отбрасывать тень и на наш день сегодняшний.

Видимо, совмещение черт практического государственного деятеля и человека высокого искусства, подлинного творца сделали возможным то, что Тхоржевский ясно видел вещи как будто очевидные, но ускользавшие от внимания подавляющего большинства современников (как, впрочем, ускользают они и

спустя столетие). Ведь именно Тхоржевскому принадлежат и следующие слова о Столыпине, но уже не стихотворные, а написанные сугубо с позиций преданного сподвижника в курсе великих преобразований: «Упрямый русский националист (понятно, что речь идет о национализме не этническом, а имперско-государственном, когда понятие нации носит политически-объединяющий характер. – *Авт.),* он был и упрямейшим, подтянутым западником: *человеком чести, долга и дисциплины* (здесь и далее курсив наш. – *Авт.)*. Он ненавидел русскую лень и русское бахвальство, штатское и военное. Столыпин твердо знал и помнил две основные вещи: 1) России надо было внутренне привести себя в порядок, подтянуться, окрепнуть, разбогатеть и 2) России ни в коем случае – еще долго! – не следовало воевать.

Благодаря Столыпину Россия вышла тогда из смуты и вступила в полосу невиданного ранее хозяйственного расцвета и великодержавного роста. Перед такой заслугой – так ли существенны столыпинские ошибки, уклоны и перегибы!

Как человек и политику П. Столыпин всегда был практическим реалистом., он трезво и просто разглядывал любое положение и внимательно искал из него выход. Зато раз приняв решение, шел на его исполнение безбоязненно, до самого конца. И на наших глазах этот *простой и мужественный образ честного реалиста* был не только облечен героическим ореолом: он начинает уже обрастать светящейся легендой – в согласии с исторической правдой».

Не будем говорить о данной оценке основных положений столыпинской политики, хотя Тхоржевский здесь предельно точен. Во всяком случае очевидно, что исторически роль Столыпина чрезвычайно сходна с ролью Петра Великого, сумевшего точно так же, преодолев хаос и расхлябанность, выстроить великую державу и дать толчок ее дальнейшему развитию. Однако при этом Столыпину действовать было несравненно труднее, чем создателю Российской империи. Для Петра Великого вопрос о методах действий, их оценке общественным мнением и внешним миром вообще не стоял, а глава правительства Николая II действовал в стране, вставшей (пусть вначале и крайне неуверенно) на путь суверенного демократического развития. Более того, если для первого российского императора вопрос заключался в первую очередь в максимально возможной концентрации реальной власти в своих руках, то было бы явной примитивизацией политику преобразований Столыпина сводить только к фактору укрепления власти, серьезно пострадавшей в результате революции и террора (хотя, разумеется, это было обязательным условием для всех

дальнейших его действий). Одной из важнейших составляющих столыпинского курса реформ было построение демократических институтов, в том числе и передача ряда властных функций от центра к земствам. Да, зачастую Столыпин был вынужден действовать предельно жесткими и недемократическими методами, но делалось это не в целях сохранения авторитаризма, а напротив, создания нового, построенного на идее свободного развития, общества.

Но все же особо главное в словах Тхоржевского – его характеристика не столько политического курса премьера, сколько видение его как личности. Заметим, что именно в данном контексте мы старались писать эту книгу; в первую очередь нам важен сам Столыпин как личность, чье величие еще в полной мере не осознано. Недаром и сейчас, в совершенно новой исторической обстановке, мы вновь и вновь возвращаемся к столыпинскому эксперименту и делаем это отнюдь не только ради интереса к прошлому. Успех Столыпина (пусть предельно быстро и нивелированный его преемниками) и ныне указывает направления деятельности как в экономической сфере, так и в жизненно необходимом для успешного развития построении эффективной модели власти, передачи максимума ее функций на места и даже в геополитике, вечные законы которой действительны для всех времен.

Тхоржевский недаром применил к образу Столыпина эпитет не только «мужественный», но и «простой». И если первый самоочевиден (и даже, возможно, недостаточен для определения человека, занимавшего не один год две самые опасные должности в империи – министра внутренних дел и главы правительства), то второй требует некоторого пояснения. Дело в том, что Петр Аркадьевич был действительно прост как государственный деятель. Причем прост естественно, а не расчетливо, с целью получения большей популярности. Недаром у Тхоржевского «простота» неразрывно связана с такими понятиями, как честь и долг.

В представляемой книге мы старались показать, что величие Столыпина как государственного деятеля заключалось, прежде всего, в том, что он брал свою программу не из абстрактных теоретических построений, а «просто» – непосредственно из жизни.

Не менее важно для нашего понимания Столыпина и его действий то, что он был подлинно православным политиком. Православным отнюдь не в смысле декларирования внешнего обрядоверия. Вся государственная деятельность Столыпина была основана на христианском мировоззрении. Даже казнить

террористов он был вынужден не из чуждого ему чувства мести, а чтобы сохранить страну от пролития неизмеримо большего количества крови невинных людей. Только глубокая вера помогла Столыпину выстоять в тяжелейших испытаниях, которые он при вступлении в должность министра внутренних дел считал непреодолимыми только силами человеческими. Но, несмотря на подобный пессимизм, Столыпин ни в коей мере в своих практических действиях не исходил из настроений исторической обреченности, а неизменно, при любых обстоятельствах решительно действовал, видя в этом свой долг государственного деятеля и православного христианина.

Вера, долг и честь Столыпина оказались сильнее пуль и бомб боевиков-террористов, клеветы и непонимания поставленных им целей со стороны оппозиции, косности и нежелания реформ большей части правящей верхушки. Великий реформатор исторически победил навсегда, пусть даже ему пришлось «душу свою положити за други своя», заплатив жизнью за преобразованную Россию. Он доказал непреложную для православного христианина истину – только политика, основанная на подлинной вере, политика чести и долга, политика во имя не собственного честолюбия, а народа может быть действительно успешной.

Глава I «Deo spes mea»

Очевидно, что тема родословной Столыпина заслуживает отдельного фундаментального исследования – настолько она интересна и неисчерпаема. Дворянский род Столыпиных восходит ко второй половине XVI века, и множество его представителей оставили заметный след в истории государства Российского.

Первое письменное упоминание о роде Столыпиных относится ко времени царствования Иоанна IV (более известного в истории как Иван Грозный), когда некий тверской дворянин «Второй Титович Столыпин» «подписался на поручной записи (письменное поручительство за кого-либо в том, что это лицо в назначенный срок «на суд станет». – *Авт.)* бояр и дворян по князю Охлябинине». Именно этот Второй Титович Столыпин (о котором больше практически никаких сведений нет, кроме упоминания в поручной записи) и стал первым известным нам предком будущего великого реформатора по отцовской линии. Однако официальная последовательная поколенная роспись рода Столыпиных начинается не с него, а с жившего уже в самом конце XVI века тверского дворянина Григория Столыпина, который и считается основателем дворянского рода. Наиболее вероятной причиной этого является то, что во время Смутного времени множество документов о дворянских родах пропало в общей сумятице и безвластии, а восстановить их потом не представлялось возможным.

Стоит хотя бы коротко сказать о некоторых наиболее выдающихся предках будущего премьера, и отнюдь не потому, что авторы придают излишне большое значение генеалогии и преувеличивают роль наследственности. Дело в том, что сам Петр Аркадьевич всегда помнил о своих служивых предках, гордился их заслугами перед Отечеством, и его становление в качестве государственного деятеля во многом обусловлено именно упомянутым фактором.

Документы о службе Столыпиных царю и Отечеству начинаются с внука уже упоминавшегося Григория Столыпина – Сильвестра Афанасьевича Столыпина, дворянина из города Мурома (откуда родом и причисленный к лику святых богатырь Илья Муромец, мощи которого покоятся в Киево-Печерской лавре), который принимал участие в войне с Польшей 1654–1656 годов. В 1672 году Сильвестр был пожалован в московские дворяне и получил грамоту на вотчину в 140 четвертей из 700 четвертей поместного оклада в Муромском уезде.

И после него все Столыпины служили Отчизне на военной

или иной государевой службе, что уже подтверждается многочисленными документами.

Дед по матери Петра Аркадьевича генерал от артиллерии генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Горчаков (1793–1861) – одна из наиболее заметных фигур в военной истории России. Он был участником Отечественной войны (в том числе Бородинской битвы), заграничных походов 1813–1814 годов (в том числе Битвы народов при Дрездене), польской войны 1831 года. Во время похода в Венгрию в 1849 году генерал Горчаков назначается начальником штаба действующей армии и проявляет незаурядные способности стратега. Во время Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов он сначала командует тремя пехотными корпусами, действовавшими на Дунае и побережье Черного моря до Буга, а после их вывода (по предательскому требованию австрийского императора Франца Иосифа I, оставшегося на троне только благодаря вводу в 1849 году российских войск в Венгрию) из пределов Валахии и Молдавии назначается командовать Южной армией на северо-западном побережье Черного моря и реке Прут. После высадки войск антироссийской коалиции в Крыму генерал некоторое время командует Крымской армией, а в феврале-августе 1855 года руководит обороной Севастополя. С января 1856 года Горчаков – наместник царства Польского и главнокомандующий 1-й армией. Согласно завещанию он был похоронен в Севастополе, героическая оборона которого была для генерала главным событием в наполненной сражениями и героизмом жизни.

Отец Петра Аркадьевича Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1899) во многом повторил блестящую боевую биографию генерала Горчакова, также став генералом от артиллерии. Как офицер Генерального штаба он участвует в Венгерском походе и за боевые отличия досрочно получает капитанский чин, в Восточную войну сражается на Дунае и при обороне Севастополя (где получает золотую саблю с надписью «За храбрость»). Кстати, в Севастополе Аркадий Столыпин становится другом тогда еще неизвестного молодого офицера-артиллериста Льва Толстого и их закаленная в пороховом дыму дружба сохранится навсегда.

После Восточной войны начинается блестящая административная карьера Аркадия Дмитриевича. Сначала талантливого офицера-артиллериста император Александр II (вообще ценивший людей незаурядных) делает своим флигель-адъютантом, а в 1857 году назначает наказным атаманом Уральского казачьего войска. Столыпин много сделал для освоения этого тогда еще во многом дикого края, и за отличие по службе в 1859 году награждается званием генерал-майора с

оставлением в царской свите. В 1868 году наказной атаман становится генерал-лейтенантом с оставлением по конной артиллерии, а в следующем оставляет военную службу и назначается шталмейстером двора. В это же время Столыпин продает подмосковное имение Середниково и переезжает в имение Колноберже под Ковно (сейчас Каунас, Литва). Через несколько лет, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, генерал вновь возвращается в строй. Как рассказывали очевидцы, когда император проезжал через Вильну и увидел на вокзале встречавшего его Столыпина в расшитом золотом шталмейстерском мундире, то между ними произошел следующий диалог:

– Как грустно мне видеть тебя не в военной форме.

– Буду счастлив ее надеть, Ваше Величество.

– Тогда назначаю командовать корпусом действующей армии.

И вскоре Аркадий Дмитриевич отправляется на театр военных действий, где особенно отметился во время взятия крепости Никополь, первым комендантом которой он и стал. Следует особо отметить, что на войне генерала сопровождала его супруга Наталья Михайловна Горчакова, самоотверженно исполнявшая в госпиталях обязанности сестры милосердия. После победы над турками Столыпин был назначен генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака, позже он командует несколькими армейскими корпусами, а потом, до самой смерти, был заведующим Дворцовой частью в Москве (то есть фактически комендантом Московского Кремля).

В общем, Петру Аркадьевичу было кем гордиться из своих предков и было с кого брать пример в служении Отчизне. Остается добавить разве что еще только один штрих. Кого бы мы ни взяли из предков Столыпина, в подавляющем большинстве это были люди глубоко православные, для которых жизнь без веры была невозможна, а государственное служение одновременно считалось и служением Богу. Показателен в этом плане и высочайше утвержденный фамильный герб рода Столыпиных, описание которого приведем из утвержденного указом императора Павла I «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи»: «В щите, имеющем в верхней половине красное поле, а в нижней – голубое, изображен одноглавый серебряный орел, держащий в правой лапе свившегося змея, а в левой – серебряную подкову с золотым крестом. Щит держат два единорога. Под щитом девиз: “DEO SPES MEA”».

В переводе с латыни «DEO SPES MEA» значит «Бог – наша надежда». В самое тяжелое время именно вера помогала Столыпину не отчаиваться и выполнять свой долг несмотря ни на

что.

Думается, что особую стойкость Столыпину в исполнении долга придавало то, что по линии матери он был прямым потомком одного из первых и наиболее почитаемых русских святых – святого благоверного князя Михаила Черниговского (мощи которого покоятся в Успенском соборе Московского Кремля). Петр Аркадьевич глубоко чтил своего святого предка из царского рода Рюриковичей, который был для него образцом не только христианина, но и государственного деятеля.

В 1225 году Михаил был приглашен на княжение в Новгород, но пробыл там недолго и возвратился в Чернигов. На уговоры остаться он отвечал, что жители Чернигова и Новгорода братья, и он будет укреплять связывающие их узы. С 1235 года Михаил занимает великокняжеский стол в Киеве и делает все возможное для противостояния нашествию монголо-татар. В том числе он пытался добиться военной помощи у венгерского короля Белы IV, но тот остался равнодушным к мольбам братьев-христиан. Как, впрочем, остались равнодушны также германский император и Папа Римский, у которых в 1245 году безуспешно просил помощи киевский князь.

Не имевший достаточных сил для отпора захватчикам и лишенный поддержки Европы, князь, желая спасти своих людей от полного уничтожения, был вынужден в следующем году отправиться в Орду за ярлыком на княжение. Там он и принял мученический венец за отказ поклониться идолам.

Глава II По стопам предков

Родился Петр Столыпин 2 апреля 1862 года в столице Королевства Саксония Дрездене, где в это время его мать была в гостях у родных, и там же был крещен в местной православной церкви. Раннее детство он провел в подмосковном Середниково, а потом до 1877 года жил в Колноберже под Ковно, откуда семья иногда выезжала на отдых в Швейцарию. До двенадцати лет Петр получал домашнее образование в имении, но потом отец решил все-таки отдать его в гимназию. Специально для этого был куплен большой двухэтажный дом в Вильне, куда семья переезжает из Колноберже. В 1874 году Петр выдержал испытание на поступление во второй класс Виленской классической гимназии, в которой проучился пять лет.

Из Вильно семья переехала в Орел, где Аркадий Дмитриевич вступил в командование располагавшимся там армейским корпусом, и Петр перешел в Орловскую классическую гимназию, которую успешно и закончил.

В 1881 году Столыпин поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (среди его однокурсников был и основатель гениального учения о ноосфере будущий академик Владимир Иванович Вернадский) и, в отличие от многих тогдашних студентов, учился с увлечением. Среди предметов, которым он отдавал предпочтение, были не только физика и математика, но и химия, биология, ботаника, зоология, агрономия (дипломная работа Столыпина была посвящена табачным культурам, возделываемым в Южной России). Среди преподавателей физико-математического факультета был и Дмитрий Иванович Менделеев. Сохранилось свидетельство о том, как великий химик принимал выпускной экзамен у Столыпина. Очень быстро экзамен перешел в ученый диспут на равных, пока наконец Дмитрий Иванович не спохватился: «Боже мой, что же это я. Ну, довольно, пять, пять, великолепно». Неудивительно, что в дипломе Петра Аркадьевича отмечено, что он «показал на испытаниях отличные знания по анатомии человека, физиологии животных, зоологии, минералогии, ботанике».

Во время учебы в университете Столыпин познакомился с Ольгой Борисовной Нейдгардт, на которой женился летом 1884 года. История его женитьбы не выяснена до конца – по мнению одних, им руководила пламенная страсть, другие считали причиной гипертрофированное чувство долга. Дело в том, что Ольга была невестой брата Михаила – прапорщика лейб-гвардии

Преображенского полка, смертельно раненного в сентябре 1882 года на дуэли с князем Шаховским. Столыпин стрелялся с князем после смерти брата на дуэли, был ранен и, возможно, посчитал своим долгом жениться на Нейдгардт.

В истории с дуэлью проявилось убеждение Столыпина, что ничего не может быть выше чести и поэтому при своей преданности идее верховенства права он пошел на запрещенную законом дуэль.

Столыпин легко мог остаться в университете и делать карьеру ученого, однако он предпочел выбрать внешне неромантичный путь чиновника (который считал одной из высших форм служения Государству), поступив в октябре 1884 года на службу в Министерство внутренних дел. Хотя следует отметить, что тяга к науке у Столыпина осталась – об этом, в частности, свидетельствует то, что, уже будучи причисленным к Министерству внутренних дел, он был утвержден Советом Санкт-Петербургского университета кандидатом физико-математического факультета.

Можно предположить, почему из многих имперских государственных учреждений Столыпин выбрал именно его. В то время это было отнюдь не министерство полиции с относительно узкими полномочиями, а центральный орган в системе государственного управления, которому, в том числе, подчинялись местные власти.

Но обстановка в министерстве (впрочем, как и в любом другом государственном учреждении любой страны любого времени) не слишком способствовала сохранению подобного возвышенного представления о своей миссии. Столыпин не мог найти в министерстве применения своих представлений о необходимых преобразованиях (а он уже тогда понимал, что Россия нуждается в проведении кардинальных реформ) – никаких сколько-нибудь серьезных поручений он в силу занимаемого положения получить не мог. А о том, чтобы представить всесильному министру внутренних дел Дмитрию Андреевичу Толстому (который был одним из наиболее приближенных лиц императора Александра III) собственные предложения по тому или иному вопросу, не могло быть и речи. Впрочем, даже если бы такая возможность была – в то время это Петру Аркадьевичу ничего бы не дало. Пока что он имел только общие представления о характере преобразований – до тщательно разработанной программы было еще очень и очень далеко. В итоге Столыпин так и остался только причисленным к Министерству внутренних дел и его связь с ним оставалась формальной.

Проходит чуть более двух лет и Столыпин подает прошение о

переходе в Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ, куда и переходит в феврале 1886 года. Движущие мотивы, обусловившие подобный выбор, представляются очевидными. Столыпина чрезвычайно интересовали вопросы перестройки системы земельных отношений, что впоследствии позволило ему создать целостную концепцию реформ в аграрной сфере. А Департамент земледелия и сельской промышленности был учреждением, обладавшим огромным эксклюзивным объемом информации по земельному вопросу.

Не вызывает сомнения, что работа Столыпина в Министерстве государственных имуществ дала ему уникальные знания, без которых ему было бы значительно труднее реализовывать в будущем свою программу реформ. А в Департаменте земледелия Столыпин именно работал, а не просто числился – как ранее в Министерстве внутренних дел. В апреле 1886 года он получает чин коллежского секретаря, а в январе следующего года назначается на свою первую руководящую должность – помощником столоначальника. Эта неблагодарная чиновничья работа много дала будущему главе правительства – и не только в плане ознакомления с ситуацией в сельском хозяйстве и его наиболее острыми проблемами. Петр Аркадьевич на основе личного опыта почти с самого низа мог понять принципы функционирования государственного аппарата империи, без знания чего невозможно было осуществлять эффективное управление.

Однако работа в столице не позволяла узнать, как работает аппарат власти на местах, что было не менее важным, чем работа в центральных органах управления. Все, что было можно, от работы в министерстве Столыпин взял – теперь он считал необходимым заняться практической работой непосредственно на земле. 28 февраля 1889 года Петр Аркадьевич подает прошение министру с просьбой разрешить переход в ковенские уездные предводители дворянства с оставлением причисленным к Министерству государственных имуществ. После удовлетворения данного ходатайства 18 марта приказом Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора он назначается уездным предводителем дворянства и одновременно возглавляет съезд мировых посредников.

Необходимо сказать несколько слов о сути должности уездного предводителя дворянства. На самом деле название не совсем отвечало сущности – полномочия Столыпина отнюдь не ограничивались чисто дворянскими вопросами. Он одновременно руководил деятельностью уездного земского собрания, уездного

училищного совета, уездного присутствия по воинской повинности, уездного съезда и других ключевых местных органов власти. Фактически уездный предводитель дворянства концентрировал в своих руках всю полноту власти и полностью руководил уездом, в том числе и образованными при предыдущем либеральном царствовании земствами. При этом контроль губернаторов над уездными предводителями дворянства был, как правило, достаточно условным – во всяком случае, они не считали нужным входить в подробности уездной жизни.

Таким образом, Столыпин получал почти неограниченные полномочия, и в его руках оказалось благополучие довольно крупного уезда.

О широте государственного кругозора Петра Аркадьевича свидетельствует то, что он мыслил не уездными категориями, а в масштабах империи. Предводитель дворянства уже тогда неоднократно выступал с обоснованием того, что для дальнейшего развития России необходима широкая экспансия на новые внешние рынки (что, в свою очередь, было невозможно без повышения качества продукции). По его словам: «Открытие новых рынков сбыта создало бы, вероятно, целый ряд побочных производств, имеющих при настоящих условиях немаловажное значение для сельского хозяйства».

Не менее интересно то, что Столыпин был убежден, что главным внешним рынком сбыта отечественной сельхозпродукции должна и далее оставаться Германия, а поставляемую туда продукцию из приграничных районов Министерство финансов должно освободить от ряда таможенных сборов. Эта убежденность во многом обусловила будущую убежденность Петра Аркадьевича в том, что ухудшение экономических и политических отношений с Берлином является крайне нежелательным и может привести к катастрофическим последствиям.

Необходимо отдельно остановиться и на деятельности Столыпина в должности почетного мирового судьи по Ковенскому и Инсарскому судебно-мировым округам, должности в определенном смысле не менее важной, чем предводитель дворянства. Здесь Петр Аркадьевич дополнительно подтвердил свою репутацию безупречно честного человека, для которого не имеет значение ничего, кроме соблюдения закона.

Честность Столыпина достигала такой степени, что он избегал малейших действий, которые могли породить хотя бы мысль о его личной заинтересованности. Почти фантастически для нашего времени, например, звучит следующая история. Когда

Столыпин уже был губернским предводителем дворянства, он получал множество ходатайств с просьбой о строительстве шоссе на Ковно, кратчайший путь которого должен был проходить через принадлежащие ему земли. В этом случае Столыпин получал бы компенсацию от казны, которая серьезно превышала стоимость отчуждаемой земли. Хотя шоссе действительно было жизненно необходимо для развития экономики края, Столыпин категорически отказался ходатайствовать о его строительстве.

Также все современники единогласно свидетельствовали, что на всех занимаемых должностях Петр Аркадьевич был абсолютно чужд протекционизму и непотизму и во всех своих решениях (в том числе и при кадровых назначениях) исходил исключительно из мотивов государственной пользы.

Можно констатировать, что работа Столыпина в Ковенском уезде была высоко оценена в Петербурге – стало ясно, что его административные способности заслуживают более широкой сферы применения. И на это раз связи и влияние отца были ни при чем. 24 апреля 1898 года Петр Аркадьевич был назначен[1] ковенским губернским предводителем дворянства именно за ставшую достаточно широко известной в бюрократических кругах успешную работу в уезде.

Должность губернского предводителя дворянства была не менее ответственной, чем уездного. Хотя губернский предводитель не обладал такой полнотой власти и полномочиями, как его уездный коллега, но назвать этот пост безвластным никак нельзя. Как и в уезде, полномочия губернского предводителя далеко не ограничивались только делами дворянского сословия. По своему положению губернский предводитель председательствовал в местном земском собрании, что давало ему возможность управления земствами. По сути, губернский предводитель являлся правой рукой губернатора, получал обширный административный опыт, и недаром потом некоторых губернских предводителей назначали губернаторами.

Насколько можно судить, Столыпину назначение особой радости не доставило – он вообще был абсолютно чужд карьеристских мотивов. Любой пост для него означал, прежде всего, жертвенное служение, иного отношения он просто не понимал. А это у современников порождало искреннее недоумение. Как говорил Петр Аркадьевич: «Это «чиновники» придают такое значение чинам, а я работаю, в надежде принести пользу нашей родине, *и награда моя – видеть, когда мои начинания идут на благо ближним».* У Столыпина в жизни было совершенно иное представление о счастье, нежели богатство и карьера. Вот еще его слова: «Любовь и труд – вот залог счастья и жизни».

И это была не просто красивая поза. Рюрикович Столыпин мог без труда получить любую почетную синекуру при дворе или любом министерстве. Но он предпочел заниматься малопрестижной тяжелой работой в заброшенном уголке империи, жизнь в котором ничем не походила на столичную.

О работе Столыпина губернским предводителем дворянства можно сказать примерно то же, что и о предыдущей его работе в уезде. Как и ранее, он не жалел ни сил, ни времени для максимального улучшения положения дел во всех вверенных ему сферах деятельности. Разница заключалась только в том, что в губернии Петр Аркадьевич мог сосредоточиться на вопросах земского самоуправления, что только усилило его уверенность в том, что Россия нуждается в кардинальном реформировании системы власти, включая передачу максимума властных полномочий от центра на места. Также еще более укрепилась столыпинская уверенность в необходимости дать крестьянам возможность свободно выходить из общины с закрепленной землей. Дополнительно этому способствовало то, что, будучи жителем приграничной губернии, Столыпин видел, на каком высоком уровне находится сельское хозяйство в соседней Германии с ее крупными современными хозяйствами и полным отсутствием рудиментарного института крестьянской общины.

Глава III Гродненский губернатор

Если учесть, что энергичный губернский предводитель дворянства был в то время, в отличие от эпохи Александра II, скорее исключением (большинство из занимавших такой пост рассматривало свою должность больше как синекуру), то не удивительно, что многолетняя успешная деятельность Столыпина в Ковенской губернии привлекала внимание руководства Министерства внутренних дел. Руководители министерства тщательно пытались подыскать для назначения на ключевые посты в системе государственного управления людей энергичных и безупречно честных. Особенно активно процесс подбора новых кадров начался при новом министре внутренних дел Вячеславе Константиновиче фон Плеве, возглавившем в апреле 1902 года министерство после убийства своего предшественника Дмитрия Сергеевича Сипягина эсеровским боевиком Степаном Балмашевым. При этом Вячеслав Константинович благодаря своим огромным возможностям имел объективную информацию о положении на местах и прекрасно знал состояние дел в каждой губернии.

Новый министр внутренних дел правительственной телеграммой срочно вызвал Столыпина из германского города Бад-Эльстер, где тот с семьей находился на отдыхе, в Петербург и предложил ему должность гродненского губернатора (предыдущий губернатор Николай Петрович Урусов перед этим был назначен полтавским губернатором). Хотя для Столыпина это и стало полной неожиданностью, он не сомневался и последовал сформулированному в «Капитанской дочке» принципу «на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся». Предводитель ковенского дворянства ясно видел, что империя вступила в эпоху новых потрясений и считал, что не имеет морального права отказаться от назначения, сулившего ему, как минимум, лишь трудности и неудобства. И вот назначение свершилось. 30 мая Николай II подписал указ следующего содержания: «Ковенскому Губернскому предводителю Дворянства, Двора нашего в звании Камергера, Статскому Советнику Столыпину Всемилостивейше повелеваем быть Исправляющим должность Гродненского губернатора, с оставлением в придворном звании». Так Столыпин стал самым молодым на то время губернатором в империи…

Для глубоко провинциального Гродно назначение нового губернатора из Рюриковичей, пользовавшегося уже определенной известностью в столице, стало незаурядным событием – его приезда ожидали со смешанным чувством надежды и страха.

Прежде чем рассказать о работе Столыпина в Гродно, зададимся вопросом: почему фон Плеве решил предложить Столыпину именно Гродненскую губернию? Думается, что его логика достаточно очевидна. Хотя губерния была одной из самых маленьких в империи (состояла только из девяти уездов), она входила в число наиболее проблемных в силу своего пестрого этнического состава. Чтобы справиться с ее управлением, губернатор уже должен был иметь определенный опыт руководства территорией со сложным этническим и конфессиональным составом.

Столыпин умело управлял в Ковенской губернии, где значительную часть населения составляли поляки, а также литовцы, евреи, немцы. В Гродненской губернии поляки и евреи также составляли значительную часть населения, а белорусы в большой мере находились под польско-католическим влиянием.

Фон Плеве небезосновательно предполагал, что Столыпин в Гродненской губернии справится с польским вопросом не менее успешно, чем он это делал в Ковенской. Министр внутренних дел не ошибся – несмотря на то что польское население было настроено оппозиционно по отношению к имперской власти, во время губернаторства Столыпина никаких серьезных проблем с поляками не было. И добился подобного результата губернатор вовсе не репрессивными мерами, а достижением взаимопонимания на основе общих интересов. Он сумел показать свое уважение к религии и национальным чувствам поляков и убедить их, что поддержание стабильности в губернии в их интересах не менее, чем в интересах власти.

Конечно, Столыпин не был ни в коей мере полонофилом, он просто трезво смотрел на положение дел и видел, что политика государственного давления на польское население с целью заставить его отказаться от своей национально-культурной идентичности и веры предков может привести лишь к взрыву. Однако Петр Аркадьевич был и против односторонних уступок со стороны правительства, дающих возможность полонизировать западные губернии.

В Гродно Столыпин с головой окунулся в повседневную напряженную работу, стараясь не упустить ничего, что нужно было сделать для улучшения жизни в губернии. О том, что Петр Аркадьевич в самом прямом смысле слова себя не щадил, говорит даже его рабочий график – он ложился спать в четыре часа утра, а в девять снова приступал к работе (этот режим он сохранил до конца жизни). Сфера его забот как губернатора была чрезвычайно обширна. Например, Столыпин лично занялся проблемами образования и по его инициативе были открыты еврейское

двухклассное народное училище (это к вопросу об «антисемитизме» Петра Аркадьевича!), ремесленное училище и приходское училище для девочек (губернатор считал крайне важным развитие образования для женщин), а для неимущих учеников мужской гимназии были учреждены именные стипендии семьи Столыпиных.

Гродненская губерния стала и полигоном для Петра Аркадьевича, где он впервые попытался реализовать элементы своей будущей аграрной реформы. Этому способствовало то, что по должности он возглавил губернский комитет особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, организованный по инициативе министра финансов Витте.

Губернатор не ограничился в комитете лишь бумажной бюрократической работой, а начал последовательно проводить мероприятия по облегчению свободного выхода из общины всех желающих, закреплением за крестьянами земли и создания системы хуторов. На одном из заседаний губернского комитета он тезисно обрисовал первоочередные меры по реформированию земельных отношений в губернии, и это выступление во многом схоже с позднейшими выступлениями Столыпина в Государственной думе. Приведем ключевое положение его выступления: *«…главнейшими факторами улучшения экономических условий губернии вообще и сельскохозяйственной промышленности в частности следует считать расселение крестьян на хутора, переход их от так называемого пользования надельными землями к хуторному хозяйству, устранение чересполостности земель, разверстание сервитутов* (происходит от латинского слова servitus – подчиненное положение. Означает право ограниченного пользования чужим земельным участком. – *Авт.)».* Следует учесть, что Столыпин начал в губернии реализацию своей реформаторской программы без одобрения Петербурга, более того – многие при дворе и в правительстве считали, что крестьянская община является фундаментом самодержавного строя, а ее разрушение выгодно только революционерам.

Спокойное проведение реформ в губернии (пусть и в достаточно ограниченном масштабе) стало возможно и во многом благодаря тому, что губернатор жестко подавлял любые попытки революционных беспорядков и отстаивал необходимость самых решительных мер по отношению к революционерам.

Но пребывание Столыпина в Гродно длилось недолго (и можно поражаться, что он сумел сделать столь многое за столь короткое время!) – в феврале 1903 года фон Плеве вызвал его в Петербург и предложил отправиться губернатором в Саратов. Это

было несомненное повышение – Саратовская губерния была значительно крупнее Гродненской, к тому же ее губернатор подчинялся не генерал-губернатору, а напрямую Петербургу. Несмотря на это Столыпин был не в восторге от сделанного предложения – он только начал реализовывать в Гродно свою программу преобразований и хотел довести ее до конца. Кроме того, семья уже обустроилась в Гродно и ему не хотелось вновь перевозить жену и маленьких детей на новое место. Однако на возражения Столыпина министр резко заметил: «Меня Ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание. *Я считаю Вас подходящим для такой трудной губернии* и ожидаю от Вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

Это высказывание было сделано совершенно в стиле самого Петра Аркадьевича, и понятно, что после этого гродненский губернатор немедленно дал согласие (вероятно, устыдившись своей минутной слабости). 26 марта 1903 года в Саратове появился новый губернатор.

Глава IV Во главе «трудной губернии»

Министр не случайно назвал Саратовскую губернию «трудной» (и то, что он поставил во главе ее Столыпина, было знаком его особого доверия и высокой оценки работы Петра Аркадьевича в Гродно) – в ней не было болезненных польского и еврейского национальных вопросов, но и без этого она имела давнюю и прочную репутацию наиболее неспокойной во всей империи. Кроме традиционно сильного революционного движения, губерния была особо известна частыми крестьянскими выступлениями, доставлявшими власти много хлопот. К началу XX века почти столько же хлопот начал доставлять рабочий вопрос, учитывая то, что Саратов был крупным индустриальным центром – в городе работали около 150 фабрик и заводов.

На новом месте Столыпин сразу же произвел большое впечатление – во всех слоях общества почувствовали, что в губернии наконец появилась твердая власть. Даже его внешний вид поразил саратовцев, один из которых следующим образом описал свое впечатление от губернатора: «Высокий рост, косая сажень в плечах, что не мешало стройности его фигуры, соколиный взгляд, властный тон – придавали ему *вид достойного представителя власти, начальника и хозяина губернии*».

Особенно жителей впечатлило то, что новый губернатор сразу начал наводить порядок, доказав, что печется о нуждах народных не только на словах: немедленно последовал ряд увольнений коррумпированных и бездеятельных чиновников на местах, что было воспринято в губернии с восторгом.

Однако спокойно заниматься развитием губернии Столыпину не удалось – атмосфера в империи постоянно накалялась. После начала Русско-японской войны ситуация становилась все более неуправляемой, что, разумеется, затронуло и Саратовскую губернию. Кстати, вскоре после начала войны, в марте 1904 года, Николай II посетил губернию и остался чрезвычайно доволен работой своего, пожалуй, самого энергичного губернатора. О состоявшейся встрече с императором Столыпин написал, что последний «был крайне ласков и разговорчив: говорил про губернию, про пробудившийся патриотизм». Также, по словам губернатора, Николай II «закончил уверенностью, что все в губернии пойдет хорошо». Подобный не слишком обоснованный оптимизм «хозяина земли Русской» не оправдался – дела в государстве в целом и в каждой ее губернии шли все хуже и хуже.

Революция все более становилась не устрашающим жупелом, а страшной, кровавой реальностью. Уже в 1904 году в Саратовской губернии начались серьезные революционные выступления, справиться с которыми при небольшом количестве войск в губернии было очень не просто. Столыпину все чаще приходилось выезжать на места самому. Как он писал жене уже в мае 1904 года: «Выезжаю в Аткарский уезд, где опять беспорядки. Думаю, что в один день покончу. Там крестьяне обыкновенно тихие и надеюсь обойтись без экзекуции. Скучно постоянно прерывать работу такими случаями». А вскоре губернатор радуется, что удалось все уладить «без порки»: «Сейчас вернулся из Аткарского уезда и все благополучно кончил. Вместо одного места пришлось поехать в два, т. к. накануне моего приезда крестьяне по соседству разобрали самовольно весь хлеб из хлебозапасного магазина. Везде удалось выяснить зачинщиков и восстановить порядок: я просто потерял голос от внушений сходам. Мои молодцы казачки сразу внушают известный трепет. Слава Богу, удалось обойтись арестами, без порки».

Но количество «таких случаев» только увеличивалось, несмотря на все предпринимаемые «молодцами казачками» меры.

Положение в империи все более усугублялось и особенно ухудшилось после убийства в апреле 1904 года фон Плеве, в лице которого революция имела наиболее сильного противника. Осознавая необходимость проведения реформ, министр внутренних дел никогда бы не позволил разговаривать с властью с позиции силы и диктовать ей ультиматумы. Для фон Плеве не было сомнения в том, что реформы не могут проводиться при отсутствии твердой власти – пришедший же ему на смену князь Святополк-Мирский считал, что власть сначала должна пойти навстречу либеральной оппозиции (возможно, учитывая догматическую ограниченность и нетерпимость последней, правильнее было бы назвать ее псевдолиберальной). Произнося правильные слова (которые сами по себе, конечно, неоспоримы) о том, что положит в основу своей деятельности «искренно благожелательное и искренно доверчивое отношение к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще», Святополк-Мирский не имел никакой продуманной программы. Широко разрекламированная «эпоха доверия» и «весна» князя обернулась неконтролируемой эскалацией насилия и поставила империю на грань общей катастрофы. После Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, показавшего крах политики односторонних уступок, преемником Святополка-Мирского в Министерстве внутренних дел стал Александр Григорьевич Булыгин, но он бездумно продолжил политику своего

предшественника.

Из Петербурга Столыпин получал противоречивые указания или вовсе их не получал – сохранять порядок в губернии ему становилось все тяжелее. В марте 1905 года царь выражает Петру Аркадьевичу благодарность за успешное подавление беспорядков, но он даже не мог себе представить, каких усилий это стоило губернатору, действовавшему не столько грубой силой, сколько силой убеждения. К тому же Столыпин явно преувеличивал собственные возможности. Он полагал, что сможет справиться с беспорядками имеющимися у него силами полиции и армии и считал ненужным присылку дополнительных воинских контингентов. Развитие событий в губернии показало, что в данном случае Столыпин ошибался – местная власть не сумела обойтись собственными силами и вскоре была вынуждена просить присылки дополнительных войск.

Однако попытки Петра Аркадьевича сохранить порядок в губернии все более напоминали тушение пожара на торфяных болотах. За 1905 год в губернии произошло почти 900 крупных аграрных беспорядков и было сожжено более 40 % помещичьих усадеб. Можно было загасить один очаг беспорядков, но тут же словно из-под земли в других местах вырывались новые языки пламени. И если в 1904 году речь шла о выступлениях крестьян, часть из которых имела стихийный или полустихийный характер, то в следующем году в губернии начался целенаправленный террор со стороны эсеров и анархистов по отношению к представителям власти. Летом сам губернатор чудом несколько раз избегает неминуемой смерти. В самом центре Саратова, на Театральной площади в него бросают бомбу, а при поездке в Балашовский уезд эсеровский боевик трижды почти вплотную стреляет в губернатора. В Столыпина также стреляют из засады во время поездки по губернии, но после этого он лишь иронически замечает: «Сегодня озорники стреляли в меня из-за кустов».

Губернатор остается равнодушным к угрозе смерти, хотя она неоднократно была буквально в шаге от него. Например, однажды, когда он пытался успокоить возбужденную толпу, стоящий прямо перед ним человек вдруг вынул из кармана револьвер и направил на него. Столыпин, у которого на лице при этом не дрогнул ни один мускул, глядя в упор на хозяина револьвера, распахнул пальто и просто сказал:

– Стреляй!

И поразительно, но революционер в растерянности опустил оружие и оно буквально вывалилось у него из рук.

Многократно отказываясь от охраны, Столыпин не только показывал презрение к смерти и отвагу. Этим он хотел

продемонстрировать, что представитель высшей власти не может позволить показать свой страх перед террористами. Психологически это идентично его позднейшим словам в Государственной думе: «Не запугаете!»

В этом отношении характерен другой случай, уже петербургского периода. Когда Столыпин с детьми плыл по Неве на катере, мост, под которым они проплывали, переходила шумная демонстрация с красными флагами. Насмерть перепуганные дети спрятались под лавку, но отец им наставительно сказал: «Когда в нас стреляют, дети, – прятаться нельзя».

Наружная полиция, жандармы, охранное отделение были растеряны и, несмотря на жесткие указания губернатора, не могли справиться с волной террора. Столыпин понимал, что это не их вина – при всем желании нельзя было покончить с революционным террором в одной губернии, когда он захлестнул всю империю.

И при всем этом Петр Аркадьевич остается на своем посту, хотя еще в марте 1905 года у него была прекрасная возможность оставить беспокойную губернию и занять в Петербурге престижное и значительно более высокооплачиваемое место. Министр финансов (и будущий премьер) Владимир Николаевич Коковцов предложил саратовскому губернатору возглавить Крестьянский банк. Почему именно Столыпину – понятно. Петр Аркадьевич неоднократно говорил о необходимых изменениях в аграрной сфере и особое внимание при этом отводил Крестьянскому банку, который должен кредитовать создание самостоятельных крепких хозяйств.

В конце концов от предложения Коковцова, столь недвусмысленно обещавшего почти полную свободу действий, Столыпин отказался. Хотя не вызывает сомнения, что предложение руководить Земельным банком и попытаться с этой позиции начать аграрную реформу было для него чрезвычайно соблазнительно. Представляется, что причиной отказа стали два фактора. Во-первых, провести земельную реформу только с помощью одного Земельного банка было невозможно – для этого необходимы были значительно более широкие полномочия. Во-вторых, у Столыпина не было желания уезжать из губернии, положение в которой становилось все более тяжелым – Петр Аркадьевич не хотел, чтобы кто-то мог даже подумать, что он испугался покушений и бросает занимаемый пост в трудное время.

А положение в Саратовской губернии, несмотря на энергичные действия губернатора, продолжало и далее

ухудшаться. Революционные выступления стали явлением хроническим, и у Столыпина уже не оставалось времени ни на что, кроме наведения хотя бы самого минимального порядка. Но при этом благодаря его стараниям положение в Саратовской губернии было все же лучше, чем в соседних. Столыпин даже помогал с помощью подчиненных ему войск справиться с беспорядками в Самарской губернии, за что был удостоен высочайшей благодарности.

Вот только некоторые факты революционного брожения, о которых писал Петр Аркадьевич (особенно отмечая подыгрывание революции либеральной оппозиции, дошедшей в своем антиправительственном раже до лишения населения медицинской помощи): «Про уезд лучше не писать… две усадьбы сожжены и разграблены, так что пахать можно. Это у барона Ховена и Киндяковых. Крестьяне хотят идти жечь и грабить дальше, но посланные мною драгуны остановили движение своим появлением. На мои вопросы: «знать не знаем и ведать не ведаем».

Соседние деревни терроризированы, т. к. и их хотят жечь, если они не примкнут к движению. Помещики в панике отправляли в город имущество, жен и детей. В других уездах тоже вспыхивает то тут, то там. Еле поспеваешь посылать войска, которых мало и долго ли еще можно рассчитывать на войска после Потемкина? (Речь идет о восстании на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». – *Авт.)*

А господа земцы готовят сюрпризы: врачи Балашовского уезда решили, что недовольны тем, что я не исполнил их требования, и все с 15 июля выходят в отставку – бросают больницы, амбулатории, уходят и все 40 фельдшеров. К ним присоединяются 3 уезда, а затем, вероятно, вся губерния.

Я не теряю самообладания и надеюсь на Бога. В этом деле я прав и думаю, что большинство благоразумных] людей осудит врачей и они провалятся. Само селение, я думаю, обернется против них и им не удастся сыграть в руку революции. Я прошу еще полк казаков в губернию и *не теряю надежды поддержать порядок»* (30 июня 1905 года).

«Напрягаю все силы моей памяти и разума, чтобы все сделать для удержания мятежа, охватившего всю почти губернию. Все жгут, грабят, помещики посажены, некот[орые] в арестантские, мятежниками, стреляют, бросают какие-то бомбы. Крестьяне кое-где сами возмущаются и сегодня в одном селе перерезали 40 агитаторов.

Приходится солдатам стрелять, хотя редко, но я должен это делать, чтобы остановить течение. Войск совсем мало. Господи

помоги! В уезд не могу ехать, т. к. все нити в моих руках и выпустить их не могу» (29 октября 1905 года).

«Околоточные дежурят и ночью. *И вся работа бесплодна. Пугачевщина растет – все жгут, уничтожают, а теперь уже и убивают. Во главе шаек лица, переодетые в мундиры с орденами. Войск совсем мало, и я их так мучаю, что они скоро все слягут. Всю ночь говорим по аппарату телеграфному с разными станциями и рассылаем пулеметы. Сегодня послал в Ртищево 2 пушки. Слава Богу, охраняем еще железнодорожный] путь. Приезжает от Государя ген[ерал]-ад[ъютант] Сахаров. Но чем он нам поможет, когда нужны войска – до их прихода, если придут, все будет уничтожено*… Малочисленные казаки зарубают крестьян, но это не отрезвляет. Я, к сожалению, не могу выехать из города, так как все нити в моих руках» (30 октября 1905 года).

Столыпин знал, что если не будет применять силу (что, в свою очередь, влекло за собой неизбежные жертвы), то тогда прольется гораздо больше крови, в том числе ни в чем не повинных мирных обывателей. И здесь ему очень помогала глубокая вера, благодаря которой он сумел перенести самые тяжелые испытания. У Столыпина были все основания написать следующие проникнутые православным духом строки: *«Я совершенно спокоен, уповаю на Бога, который нас никогда не оставлял. Я думаю, что проливаемая кровь не падет на меня».*

А пролить крови Столыпину пришлось еще немало… 26 апреля 1906 года он, совершенно неожиданно для всех, становится министром внутренних дел Российской империи.

Глава V «Жребий брошен…»

Назначение состоялось следующим образом. 25 апреля 1906 года вместе с председателем Совета министров Иваном Логгиновичем Горемыкиным Столыпин был на царской аудиенции, в ходе которой рассказал о подавлении беспорядков в губернии. На следующий день он был вызван к императору один, и ему было предложено занять пост министра внутренних дел. Совершенно не ожидавший подобного предложения, Столыпин попытался отказаться, но Николай II просто приказал (ниже приведены подробности разговора в изложении самого Петра Аркадьевича). Разумеется, после этого он возражать не мог.

Свое назначение Столыпин принял с чувством, близким к обреченности, понимая, в каком катастрофическом положении находится страна, и не веря, что в человеческих силах что-либо изменить. Единственная его надежда была на Бога, о чем новоназначенный министр внутренних дел не стеснялся говорить прямо. Непосредственно 26 апреля он писал не только о надежде исключительно на Божью помощь, но и о том, что планирует пробыть министром не более трех-четырех месяцев (что вновь опровергает рассказы недоброжелателей о том, что Столыпин был, прежде всего, честолюбивым карьеристом): «Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. *Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне. Я чувствую, что он не оставляет меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает…*

Я задаюсь одним – пробыть министром 3–4 месяца, выдержать предстоящий шок, поставить в какую-нибудь возможность работу совместную с народными представителями и этим оказать услугу родине. Вот как прошло дело – вчера получаю приказание в 6 ч[ас]. вечера явиться в Царское. Поехал экстренным поездом с Горемыкиным. Государь принял сначала Горемыкина, потом позвали меня. *Я откровенно и прямо высказал Государю все мои опасения, сказал ему, что задача непосильна*, что взять накануне Думы губернатора из Саратова и противопоставить его сплоченной и организованной оппозиции в Думе – значит обречь министерство на неуспех…

В конце беседы я сказал Государю, что умоляю избавить меня от ужаса нового положения, что я ему исповедовался и открыл всю мою душу, пойду только, если он, как Государь, прикажет

мне, так как обязан и жизнь отдать ему и жду его приговора. Он с секунду промолчал и сказал: «Приказываю Вам, делаю это вполне сознательно, знаю, что это самоотвержение, благословляю Вас – это на пользу России». Говоря это, он обеими руками взял мою и горячо пожал. Я сказал: «Повинуюсь Вам», – и поцеловал руку Царя. У него, у Горемыкина, да, вероятно, у меня были слезы на глазах. Жребий брошен, сумею ли я, помогут ли обстоятельства, покажет будущее. Но вся душа страшно настроена, обозлена Основными законами, изданными помимо Думы, до сформирования кабинета, и будут крупные скандалы».

В мемуаристике и позднейших исторических исследованиях назначение Столыпина вызвало много споров о том, кто именно ему способствовал при назначении, и при этом назывались разные фамилии высших сановников. Думается, что ответ здесь лежит на поверхности – царь уже ранее достаточно хорошо знал Столыпина. Этой же точки зрения придерживался и брат Петра Аркадьевича – известный журналист Аркадий Столыпин, написавший в своих воспоминаниях, что самодержец действовал «по своему личному почину». Николаю II не особенно были нужны чьи-то дополнительные рекомендации, он высоко оценил столыпинскую энергию и личную храбрость при подавлении революционных выступлений в «трудной» Саратовской и в соседней Самарской губерниях.

Несомненно, некоторую роль в назначении сыграл Горемыкин (к нему царь относился с нескрываемой симпатией, об этом говорит и повторное назначение Ивана Логгиновича председателем Совета министров в 1914 году), о чем свидетельствуют следующие слова Николая II: «Спасибо старику-Горемыкину, что он в трудное время порекомендовал мне Столыпина». Впрочем, подавляющее большинство современников сходились во мнении, что последний император, как правило, воспринимал лишь те советы, которые совпадали с уже сформировавшимся у него мнением.

Однако было бы явной примитивизацией считать, что Столыпин был назначен императором только как деятель, проявивший энергию и отвагу в борьбе с революционными выступлениями (что, прежде всего, и ценил в нем Горемыкин). К этому времени среди военных и гражданских властей империи уже проявились деятели, ничем в этом отношении не уступавшие саратовскому губернатору. Столыпинская твердость в борьбе с террором была, несомненно, важным фактором при принятии решения о назначении, но далеко не единственным (подробнее об этом мы скажем ниже).

Что касается вопроса отношений с I Думой (ставшей центром

деятельности всей оппозиции), то император к этому времени еще не принял определенного решения в отношении дальнейшего курса и оставлял за собой свободу маневра. Во всяком случае, Столыпин при всей своей декларируемой жесткости не был все же для Думы настолько неприемлемой фигурой, как Дурново, давно уже сжегший за собой все мосты в отношениях с оппозиционными думцами. Именно в этом заключается одна из главных причин назначения царем Петра Аркадьевича на пост главы МВД.

Столыпин не верил, что сможет достичь успеха в условиях постоянной неопределенности царской позиции по ключевым вопросам государственной жизни и особенно неэффективности существовавших механизмов государственного управления, но он не считал для себя возможным уклониться от исполнения долга. Его позицию в этом отношении ярко иллюстрирует следующее высказывание: «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: “Покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым”».

Новый глава МВД был в этом высказывании предельно откровенен. Несмотря на все несовершенство государственной системы Российской империи, ее несоответствие вызовам времени, он выполнял роль часового, готового защитить вверенный пост ценой собственной жизни.

Правда, Столыпину пришлось непосредственно заниматься всеми вопросами министерства, продолжавшего оставаться наиболее важным органом в системе государственного управления, очень недолго – до июля 1906 года. Хотя, став председателем Совета министров, он и остался одновременно министром внутренних дел, но колоссальная занятость на посту главы правительства не давала ему возможность постоянно заниматься всеми текущими делами министерства (что впоследствии, возможно, стало главной причиной его смерти). Но за несколько месяцев ежедневного руководства Министерством внутренних дел Петр Аркадьевич занимался самым широким кругом вопросов – от тонкостей полицейской службы и земских проблем до политических вопросов стратегического характера.

Хотя Столыпин и не был профессионалом в вопросах политического сыска (данное направление работы в условиях революционного кризиса в силу понятных причин было в работе МВД абсолютным приоритетом), его как руководителя очень высоко оценивали даже наиболее опытные жандармские деятели. Он сделал все возможное, чтобы вникнуть в совершенно новую для него сферу деятельности и считал своей опорой не просто

профессионалов, но людей, имевших гражданское мужество не приукрашивать свои донесения о положении дел. Например, генерал Александр Васильевич Герасимов, имевший заслуженную репутацию не только одного из наиболее авторитетных охранников империи, но и человека, который никогда не боялся отстаивать собственную позицию перед самым высоким начальством, писал о своем шефе: «Работа под руководством последнего принадлежит к самым светлым, самым лучшим моментам моей жизни… Уже во время первого свидания Столыпин произвел на меня самое чарующее впечатление как *ясностью своих взглядов, так и смелостью и решительностью выводов.* Он знал обо мне от Дурново и потребовал, чтобы я представился ему немедленно после вступления его в должность. Прием длился, наверное, около часа. Я сделал обстоятельный доклад о положении дел в революционных партиях. Столыпин просил меня сноситься с ним по всем делам, касающимся политической полиции, непосредственно, минуя Департамент полиции. *Он хотел, чтобы я делал ему доклады по возможности каждый день.* И действительно, почти ежедневно после 12 часов ночи я приезжал к нему с докладом, и если меня не было, он обычно звонил и справлялся о причинах моего отсутствия».

А один из близких сотрудников министра – редактор правительственной газеты «Россия», действительный статский советник Сергей Николаевич Сыромятников впервые сравнил его с Отто фон Бисмарком (впоследствии слова о «русском Бисмарке» в качестве характеристики Столыпина станут общим местом): «Если Бисмарка называли железным канцлером за его политику, то *гораздо правильнее можно назвать Столыпина железным министром* за его силу воли и за его самообладание. Иногда только загорались его глаза, когда он слышал о какой-нибудь вопиющей несправедливости».

Но несмотря на общепринятое представление о том, что для Столыпина основным было силовое подавление революционных выступлений, этим его работа в МВД далеко не исчерпывалась. При всей важности вопроса борьбы с революционным террором для министра внутренних дел (фактически министра всей внутренней политики) крайне важно было все-таки попытаться достигнуть понимания с либеральной оппозицией и объединиться вместе с ней против радикально революционных элементов.

Столыпин не понимал отсутствия сколько-нибудь четкого курса у Горемыкина и считал, что тот представляет положение дел императору в неоправданно оптимистическом ключе. По мнению шефа МВД, другого выхода в сложившейся ситуации, чем роспуск не желавшей идти ни на какие компромиссы с властью I

Думы, больше не было.

Однако Столыпин все же не считал, что роспуск Думы сам по себе решит все вопросы и будет автоматически означать установление стабильности в империи. Он чувствовал себя, по его собственным словам, «первым в России конституционным министром внутренних дел». Столыпин полагал, что сначала надо все же попытаться договориться с кадетами (игравшими ключевую роль в либеральной оппозиции) о создании коалиционного правительства, и с этой целью, после получении согласия Николая II, начал конфиденциальные переговоры с лидером Партии народной свободы Павлом Николаевичем Милюковым и наиболее видными лидерами либеральной оппозиции Дмитрием Николаевичем Шиповым, графом Петром Александровичем Гейденом, князем Евгением Николаевичем Трубецким и рядом других.

Впрочем, большинство этих встреч заведомо не могло принести результата. Почти все деятели либеральной оппозиции были уверены в своей скорой победе и считали, что с правительством договариваться не имеет никакого смысла. Тот же Милюков, вспоминая о встрече с министром внутренних дел, писал об этом вполне откровенно: «Я застал у Столыпина, как бы в роли делегата от другого лагеря, А. П. Извольского (министр иностранных дел Александр Петрович Извольский. – *Авт.)*. Но в Совете министров Извольский не имел влияния – и присутствовал в качестве благородного свидетеля… А *в намерения Столыпина не входило дать мне возможность высказаться по существу. Он только выискивал материал для составления обвинительного акта* (необъективность данного суждения Милюкова очевидна. – *Авт.)*…

Результат этой беседы оказался именно таким, как я и ожидал. По позднейшему официальному заявлению, «разговор этот был немедленно доложен его величеству с заключением министра внутренних дел о том, что выполнение желаний к. д. партии могло бы лишь самым гибельным образом отразиться на интересах России, каковое заключение было его величеством всецело одобрено». Очевидно, для этого вывода меня и приглашали «по поручению государя» и по изволению Столыпина».

Глава конституционных демократов не рассказал о еще одной важной составляющей части его беседы со Столыпиным, хотя она во многом объясняет дальнейшие действия министра. Когда Петр Аркадьевич высказал вполне обоснованное мнение о том, что передача должности министра внутренних дел кадетам будет иметь катастрофические последствия, так как сейчас необходимо

принимать самые жесткие меры, то Милюков отмел это предостережение:

– Этого мы не боимся. Правительство определенно заявит революционным партиям, что они имеют такие-то и такие-то свободы, перейти границы которых правительство им не позволит. Досюда – и ни шагу дальше! А если бы революционное движение разрослось, то думское правительство не остановится перед принятием самых серьезных и решительных мер. *Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства.*

После этого, рассказывая о прошедшей встрече, Столыпин произнес:

– Толку из всех этих переговоров не выйдет. Однако в последних словах Милюкова имеется мысль. *Гильотины не гильотины., а о чрезвычайных мерах подумать можно.*

Милюков тогда не смог понять, что минимальные уступки со стороны оппозиции могли привести к достижению исторической договоренности и созданию коалиционного правительства.

Столыпин теперь уже без всяких оговорок активно отстаивал ту точку зрения, что иного пути остановить революционизирование страны, чем роспуск Думы, не существует. На заседании Совета министров он инициировал единогласно поддержанное всеми членами правительства обращение к императору распустить Государственную думу. Одновременно совершенно измученный Горемыкин, понимавший, что он не сможет «железной рукой» подавить революционные выступления, заявил, что с роспуском парламента уходит в отставку. Премьер поставил вопрос об образовании нового кабинета, что также было поддержано всеми министрами.

После этого Столыпин (уже вместе с Горемыкиным получивший согласие царя на роспуск Думы) вызвал начальника столичного охранного отделения и поставил ему задание обеспечить безопасный роспуск Думы:

– Теперь ваше дело! Вы обещали, что восстания не будет. Примите все меры к тому, чтобы это обещание оправдалось.

Чтобы избежать возможности эксцессов со стороны думцев, министр внутренних дел сообщил председателю I Думы, что собирается выступить в Думе в понедельник 9 июля. Когда успокоенные думцы покинули Таврический дворец, здание по приказу Столыпина было оцеплено войсками, входы в него были блокированы, а вечером 8 июля газетам было разослано официальное правительственное сообщение о роспуске Государственной думы.

Глава VI Председатель Совета министров

Попытка создания коалиционного кабинета

Закономерно возникает вопрос: почему Столыпин был выбран Николаем II для назначения на пост главы правительства? Кстати, для психологической характеристики премьера характерно то, что он сам стремился скорее преуменьшить свое значение как государственного деятеля. Например, считал вполне нормальным в частном письме охарактеризовать свое государственное и политическое значение, по меньшей мере, излишне скромно: «Никогда я себя не переоценивал, государственного опыта никакого не имел, помимо воли выдвинут событиями и не имею даже достаточно умения, чтобы объединить своих товарищей и сглаживать создающиеся меж ними шероховатости».

С одной стороны, ответ как будто очевиден – как министр внутренних дел он проявил импонировавшую Николаю II решительность в борьбе с революцией и террором. Однако с другой – не все было так просто: его роль во главе Совета министров не должна была, по царскому мнению, ограничиваться только сугубо силовыми, карательными функциями. В принципе, эта логика была совершенно идентичной той, которой руководствовался самодержец, когда Столыпин назначался руководить Министерством внутренних дел.

Хотя царь и пошел на роспуск Думы, он не согласился с мнением ряда правых, считавших, что следует полностью отказаться от парламентаризма и вернуть ситуацию, существовавшую до Манифеста 17 октября 1905 года. Подобной же позиции придерживался и министр внутренних дел, считавший, что возвращение к самодержавному прошлому уже невозможно. Столыпин прекрасно понимал все значение парламентаризма и гражданского общества для строительства новой России и стремился обеспечить для всех политических партий, независимо от исповедываемой ими идеологии, нормальные условия для деятельности.

Несмотря на всю свою беспощадность к революционным выступлениям и террору, Столыпин мог эффективнее любого другого деятеля из царского окружения контактировать с либеральной оппозицией. Причем дело было далеко не только в способностях Петра Аркадьевича как переговорщика (хотя они, несомненно, присутствовали). Столыпин не скрывал, что при любом развитии событий он считает введение парламентаризма в России необратимым, более того – необходимым для ее

дальнейшего развития. Для него дискуссионен был вопрос не существования Государственной думы, а лишь объема ее полномочий, в том числе отношений с Советом министров.

В отличие от многих правых деятелей, Столыпин четко различал революционеров-разрушителей и либеральную оппозицию. Если первых он считал необходимым подавлять любыми средствами, то со второй хотел договариваться. При этом главной бедой либеральной оппозиции, мешавшей ей конструктивно взаимодействовать с властью во благо страны, Петр Аркадьевич считал то, что она не могла (да и не хотела) провести для себя непреступаемую грань с людьми, желавшими не реформирования общественного строя, а полного разрушения государства. Не менее негативным фактором, по мнению Столыпина, было и то, что оппозиционеры не понимали огромной важности исторической преемственности власти, в связи с чем видели свою цель не в реформах, а в уничтожении складывавшегося веками.

Переговоры с либеральной оппозицией возобновились практически сразу же после назначения Столыпина премьером, и показательно, что лидеры либеральной оппозиции, несмотря на их возмущение произошедшим роспуском парламента, без малейших колебаний пошли на новые негласные контакты. Премьер вновь поднял вопрос об их вхождении в правительство, но в ответ получил заведомо неприемлемые условия: предоставление общественным деятелям половины мест в кабинете (в том числе пост министра внутренних дел) и немедленная приостановка смертных казней (и это в разгар революционного террора!).

О том, как проходили переговоры, свидетельствует Извольский, который, как и ранее, играл роль главного помощника премьера в контактах с либеральной оппозицией: «В согласии с планом, изложенным ранее в докладной записке императору, *он имел в виду образование коалиционного кабинета*., *в котором были бы представлены главные партии, исключая те группы, которые были явно революционно настроены*…

Попытка создания коалиционного кабинета не имела успеха. После двухнедельных переговоров и вопреки усилиям Столыпина различные лица, к которым он обращался с предложением вступить в министерство, один за другим отклоняли это предложение…

Отказывая в своем сотрудничестве Столыпину, умеренные либералы вроде князя Львова, графа Гейдена и других делали серьезную ошибку и показывали, насколько несовершенны еще политические партии в России, подчиняющиеся влиянию

преходящих страстей. Действительной причиной их отказа было то, что роспуск Думы вызвал во всех либеральных кругах, даже в самых умеренных, чувство раздражения, и, следовательно, все приглашаемые лица боялись потерять свой престиж и свое влияние в стране в случае, если бы они вошли теперь же в правительство».

Столыпин, конечно же, прекрасно понимал перечисленные Извольским мотивы отказа лидеров либеральной оппозиции от сотрудничества с властью (не говоря уж о вхождении в коалиционное правительство), но это не заставило его оставить надежды на достижение соглашения, что он и попытается сделать вновь после избрания II Думы.

В борьбе с «великими потрясениями»

Однако наряду с попыткой достичь взаимопонимания с либеральной оппозицией, несомненно, еще более важно было окончательно подавить революцию и установить в стране порядок (хотя бы прекратить ежедневное кровопролитие). Между тем, несмотря на то, что роспуск Государственной думы прошел практически безболезненно, это отнюдь не означало, что революционные выступления прекратились. Столыпин возглавил правительство в критическое для страны время, и ему пришлось проявить еще большую смелость и настойчивость при принятии решений, чем на всех предыдущих должностях.

18 июля начался вооруженный мятеж в Свеаборгской крепости под лозунгом созыва Учредительного собрания, 20 июля вспыхнуло восстание в Ревеле на крейсере «Память Азова» (который сразу решил «нанести визит» и в столицу) и совсем рядом с Петербургом – в Кронштадте. Положение стало по-настоящему угрожающим…

Уже упоминавшийся С. Н. Сыромятников вспоминал, что в эти дни, явившись к премьеру утром, застал его в халате. «Вы нездоровы?» – спросил он. «Нет, – отвечал Столыпин, – мне сообщили ночью, что какой-то крейсер идет бомбардировать Петербург. Я звонил по телефону целую ночь, пока удалось найти батарею и поставить ее при входе в Неву, чтобы расстрелять его. По счастью, крейсер ушел в море. Но я не спал всю ночь».

Но еще более важным для Столыпина, чем подавить вооруженные восстания, было справиться с размахом революционного террора, против которого были бессильны артиллерийские батареи и верные присяге лейб-гвардейские полки. Революционный террор был, в первую очередь, направлен против государственных служащих с целью их деморализации. Это должно было сделать империю беззащитной перед нашествием революционных «бесов», как будто сошедших со страниц провидческого романа Достоевского. С октября 1905 по октябрь 1906 года было убито и ранено 3611 государственных служащих, по состоянию на конец 1907 года (то есть ко времени, когда Столыпин сумел подавить массовый террор) их число превысило 4500 человек. Только в Варшаве (не слишком выделявшейся размахом террора на общем фоне) за 1906 год было убито террористами 83 полицейских и военных и 96 получили ранения.

Жертвами покушений становились государственные служащие всех рангов – от простых городовых до высших

гражданских и военных чинов империи. Маньяки террора убивали даже дворников за малейшую помощь полиции или только подозрение в этом. Разумеется, руководивший подавлением революции Столыпин стал главным объектом охоты со стороны террористов, с полным основанием считавших его единственной сильной фигурой в государственном руководстве. Они были убеждены, что смерть Столыпина будет означать победу революции.

12 августа 1906 года председатель Совета министров едва не пал жертвой покушения на своей даче на Аптекарском острове, во время которого погибло 27 человек и 33 было тяжело ранено (в том числе его 14-летняя дочь и 3-летний сын). Террористический акт осуществил только что образовавшийся «Союз социалистов-революционеров максималистов» (из числа наиболее экстремистски настроенных, даже по революционным меркам, бывших членов ПСР), отличавшийся от Боевой организации (БО) ПСР ускоренной подготовкой терактов с минимальным количеством участников.

В этот день председатель Совета министров проводил прием посетителей. На этот прием, записавшись прямо на месте, легко мог попасть любой российский гражданин, независимо от национальности, вероисповедания, социального положения. Переодетые в жандармскую форму террористы сумели добежать до дверей приемной и там бросили портфель со спрятанной в нем бомбой, что привело к многочисленным жертвам.

Взрыв на Аптекарском острове был направлен не только против Столыпина – трудно было придумать больший вызов власти в целом. Перед премьером окончательно встал вопрос: или он, невзирая на истерики либеральной оппозиции и контролируемой ею прессы, подавит революционный террор любыми средствами, или силы разрушения и ненависти победят.

И при подавлении террора вопрос был не в недостатке решительности власти. К этому времени, еще будучи только министром внутренних дел, Столыпин назначил на места достаточно смелых и решительных людей. Но их деятельность не могла быть достаточно эффективной по причине несовершенства судебной системы, позволявшей многим террористам и руководителям оставаться безнаказанными или получать сравнительно незначительные наказания. В большинстве случаев, когда суд считал улики недостаточными (а для адвокатов обычно не составляло труда убедить в этом суд), дело заканчивалось административной высылкой, что только способствовало распространению по империи революционного огня.

Столыпину было очевидно, что обычное правосудие не в

силах справиться с террором, и следует прибегнуть к временным экстраординарным мерам. И в сложившейся ситуации председатель Совета министров пришел к нелегкому, но единственно возможному решению.

Статья 87 Основных законов Российской империи предоставляла возможность Совету министров выпускать срочные указы в отсутствие законодательных учреждений. Пользуясь этим положением, правительство в срочном порядке приняло закон о военно-полевых судах. Согласно данному закону, в местностях, объявленных на военном положении (а из 87 губерний военное положение было объявлено в 82) или на положении чрезвычайной охраны, губернаторы или представители военных властей должны были передавать в военно-полевые суды обвиняемых в совершении террористических актов, политическом бандитизме, нападении на представителей властей, производстве и хранении взрывных устройств и оружия. Следует отметить, что в перечне компетенции военно-полевых судов не было ни одной статьи, которую (даже при возможном «излишнем рвении» на местах) можно было использовать против представителей либеральной оппозиции и вообще любых противников строя, не прибегавших в своей борьбе с ним к террору. Более того, Столыпин понимал опасность злоупотребления властью и делал все возможное, чтобы свести подобные проявления к минимуму. Так, по инициативе председателя Совета министров был подготовлен «Проект исключительного положения», детально определявший критерии, согласно которым в той или иной местности могло вводиться военное положение. Не менее важно, что был разработан и новый полицейский устав, защищавший права граждан от неправомерных действий полиции.

Фактически именно введение военно-полевых судов позволило Столыпину покончить с террором. При этом слушание в военно-полевых судах отнюдь не было судилищем с игнорированием норм права. Дела там, как правило, рассматривались хоть и в порядке упрощенного судопроизводства, но со всей тщательностью и объективностью.

Как инструмент борьбы с террором военно-полевые суды были, конечно, несравненно действеннее гражданских. Принципиальное их отличие заключалось в том, что дела рассматривались в них не позже 24 часов после ареста обвиняемого, приговор выносился не дольше чем за 48 часов и приводился в исполнение в течение суток. Вначале осужденные военно-полевыми судами имели право подавать прошение о помиловании, но 7 декабря 1906 года Военное министерство отдало распоряжение «оставлять эти просьбы без движения».

Жестокое время диктовало жестокие законы, и премьер имел все основания назвать введение военно-полевых судов «необходимой обороной». Но подчеркнем – это были именно законы, а не бессудная расправа, по образцу действий террористов-революционеров.

В отличие от левых и кадетов, для которых цель неизменно служила оправданием применяемых средств, даже в условиях беспощадной борьбы с революционным террором Столыпин не принимал беззакония. Когда до него дошли сведения о случаях насилия над заключенными революционерами и применения избиений для получения необходимых полиции сведений, он отреагировал немедленно – губернаторам и градоначальникам была послана циркулярная телеграмма, возлагавшая на них личный контроль за прекращением нарушения закона.

Введенные Столыпиным военно-полевые суды вынесли всего 1102 смертных приговора (а реально казнено было почти вдвое меньше – 683 человека). Число казненных выглядит более чем скромно по сравнению с приводившимся выше числом жертв террористической вакханалии со стороны защитников государства и просто мирных жителей. И когда с помощью чрезвычайных мер Столыпин сбил волну террора, то он не сделал попытки продлить срок закона о военно-полевых судах, который прекратил свое действие 20 апреля 1907 года. Категория дел, которые ранее рассматривались военно-полевыми судами, передавалась в военно-окружные суды, в которых не было упрощенного судопроизводства. Впрочем, военно-окружные суды тоже внесли свой вклад в окончательное уничтожение терроризма – с 1907 по 1909 год они вынесли 4232 смертных приговора террористам, из которых были приведены в исполнение 1824.

После апреля 1907 года военно-полевые суды имели право лишь на рассмотрение дел военнослужащих, и число осужденных (в основном это были организаторы военных бунтов и убийцы командного состава) свелось к минимуму – например, в год смерти Столыпина они осудили всего 58 человек.

Столыпину, как человеку глубоко верующему, было тяжело идти на пролитие крови, но он понимал, что другого выхода, чтобы спасти Россию от террора, не было. И он глубоко верил, что необходимость жестких мер против террора будет понята и принята большинством населения. По словам премьера, «Россия сумеет отличить кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой – исцелить трудно больного».

Внутренне отторгая пролитие крови, Столыпин тем не менее

считал, что наиболее опасным в России является проявление слабости, о чем говорил неоднократно. Например, вот характерные для него слова: «Допущенная в одних случаях снисходительность в других может порождать мысль о неуместности строгой кары, которая превращается как бы в излишнюю жестокость». Сам он, несмотря на все душевные терзания, слабости никогда не проявлял и при любых обстоятельствах брал на себя ответственность за самые жесткие решения по противодействию террору и подавлению беспорядков. Для Столыпина ответственность вообще была само собой разумеющимся качеством государственного деятеля. По словам Петра Аркадьевича: «Нет большего греха для государственного человека, чем малодушие. Ответственность – величайшее счастье моей жизни!»

«Возведение лесов»

Подавление революционного террора было важно для Столыпина еще и потому, что только в стране, где каждодневно не лились потоки крови, можно было проводить системные реформы. Неслучайно программа мер борьбы с революционным насилием была обнародована Столыпиным 24 августа 1906 года одновременно с программой радикальных реформ в самых различных сферах, о которых говорилось не менее конкретно и особенно подчеркивалось, что правительство для их проведения не будет ожидать, пока полностью будет подавлен террор.

При этом сугубо экономические реформы (и, в первую очередь, наиважнейшая для государственного развития – аграрная) органично сочетались в правительственной программе с реформами по демократизации государственного управления. Это еще раз свидетельствовало о том, что Столыпин ни в коей мере не собирался идти по пути бездумной реставрации и отменять огромные изменения в жизни страны, произошедшие после Манифеста 17 октября 1905 года.

Особое значение премьер уделял реформам, которые призваны были защитить гарантированные Манифестом права и свободы российских граждан. Неслучайно первое место в столыпинском списке занимали вопросы обеспечения свободы вероисповедания, неприкосновенности личности и гражданского равноправия.

Показательно, что даже аграрная реформа виделась Столыпиным не изолировано, как сугубо экономическая мера, а и как инструмент создания подлинного свободного гражданина, для которого естественным стало бы уважение к чужой собственности.

Подчеркнем – обнародованная кабинетом Столыпина масштабная программа не была только декларацией. Она немедленно начала претворяться в жизнь по большинству упомянутых главой правительства направлений. Особое внимание было уделено реализации земельной реформы, которую премьер видел центральной в программе своих преобразований, и Совет министров немедленно подал на утверждение императору свои предложения о первоочередных мерах. Столыпин обоснованно считал, что сначала следует использовать резерв казенных земель, продажа которых крепким хозяевам станет первым этапом аграрной реформы. Предложения председателя Совета министров были одобрены высочайшим указом 27 августа 1906 года. Этот указ стал началом грандиозной аграрной реформы, но было

понятно, что поставленную премьером задачу создания класса крепких хозяев невозможно решить только с помощью перераспределения казенных земель, размер которых был достаточно ограничен.

Единственная возможность провести полноценную аграрную реформу заключалась в предоставлении крестьянам права свободного выхода из общины всем желающим с предоставлением неразделенного земельного участка. Но премьер сразу же столкнулся с чрезвычайно активным сопротивлением своим планам. Причем против ликвидации общины категорически выступали не только левые (считавшие ее основой будущего социалистического строя), но и многие правые, в том числе находившиеся в ближайшем царском окружении. Они, наоборот, считали консервативную крестьянскую общину основой государственного устройства и наиболее надежной опорой престола.

У Столыпина же были совершенно иные представления о том, кто может быть подлинной опорой государства. Он категорически отвергал мнение многих правых и крайне правых, что такая крестьянская община неэффективна. Столыпин, напротив, был глубоко уверен, что только свободный хозяин на своей земле может быть надежной опорой государства и власти.

В октябре по настоянию Столыпина Николай II подписал указ, ставший следующей важной вехой на пути аграрной реформы. Высочайшим указом были окончательно отменены подушная подать и круговая порука, сняты ряд ограничений свободы передвижения крестьян и избрания ими места жительства, признана возможность проведения семейных разделов, расширены права земств в управлении.

Понимая всю грандиозную важность реформирования системы земельных отношений и преодолевая ожесточенное сопротивление большинства царского окружения, премьер все же сумел добиться от Николая II одобрения своей программы в полном объеме. Результатом этого стало подписание императором «Именного Высочайшего Указа Правительствующему Сенату 9 ноября 1906 года о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», делавший выход из общины полностью свободным (что было для последней смертельным ударом). Земельный надел становился теперь собственностью не семьи, а единоличного хозяина и провозглашался приоритет единоличного владения землей над правом пользования.

Нельзя не отметить следующий факт. Удивительно, но никто

как из современников, так и историков не отметил главное качество земельной реформы. Вся гениальность аграрных преобразований Столыпина была в том, что они не были кабинетными, как у левых и кадетских «народолюбцев». Фактически премьер лишь ясно увидел тенденции, которые существовали и до него. И ранее наиболее успешные хозяева всеми силами старались избавиться от оков общины, давивших на корню всякую инициативу, и до Столыпина безземельные крестьяне стремились уехать на неосвоенные земли окраин, где существовала возможность основать свое хозяйство. Просто ранее все это делалось собственными силами, без сколько-нибудь серьезной государственной поддержки.

Драма 3 июня

Хотя Россия в 1907 году еще формально оставалась самодержавной монархией, управлять империей, тем более реализовывать программу масштабных реформ, без Государственной думы стало уже невозможным. Конечно, можно было действовать в чрезвычайно-указном порядке, но Столыпин понимал всю крайнюю нежелательность подобных действий, пусть у него иногда и не было иного выхода. Но чтобы руководить страной подобным образом постоянно, необходимо было идти на полную отмену молодого российского парламентаризма, что председатель Совета министров считал как невозможным, так и противоречащим государственным интересам. При всем негативном отношении к деструктивной антигосударственной деятельности I Думы Столыпин считал, что развитой парламентаризм должен стать важной составной частью обновленного общественного строя, базирующегося на законности, соблюдении прав личности и уважении права собственности.

Инициируя роспуск I Думы, Столыпин хотел получить парламент, который выполнял бы роль партнера исполнительной власти в успокоении страны и проведении системных реформ. Понятно, что премьер делал со своей стороны все возможное, чтобы ее состав был бы максимально лояльным к власти. С этой целью Столыпиным были инициированы специальные разъяснения Сената, исключившие из числа избирателей наименее имущие группы городского населения и крестьян (учитывая, что ими наиболее легко манипулировали экстремисты), что должно было сделать будущий состав парламента значительно менее оппозиционным. Однако нет оснований утверждать, что Столыпин каким-либо образом пытался фальсифицировать выборы – его действия ни в коей мере не нарушали действовавшего законодательства. Было вполне естественным, что власть после революционного кровопролития попыталась поставить преграду проникновению в Думу людей, связанных с терроризмом или, как минимум, относившимся к нему с явным или скрытым одобрением.

Крайне неблагоприятные для Столыпина итоги выборов во II Думу подтвердили то, что власть (к тому времени уже достаточно окрепшая и имевшая немало возможностей влияния) серьезно в избирательный процесс не вмешивалась. Состав парламента оказался еще более антиправительственным, чем предшествующий. Успокоение в стране пока еще было, в

значительной степени, внешним, и в сознании немалого количества избирателей остался революционный дурман, а значит, и доверие к направленной против правительства Столыпина разрушительной демагогии революционеров. Левые радикалы составили около 43 % членов новоизбранного парламента, что давало им широчайшие возможности для антиправительственной деятельности. Поддерживавшие (пусть и не во всем и с рядом оговорок) Столыпина правые и октябристы хоть и увеличили свое представительство (что свидетельствовало о растущей поддержке курса премьера), но, тем не менее, полученные ими 10 % не давали возможности создать проправительственное большинство. Также особо следует отметить, что сильно снизилось представительство в Думе кадетов (упустивших шанс на создание коалиционного правительства), потерявших целых 80 мест.

Было достаточно очевидно, что у премьера практически не было ни малейших шансов на установление взаимодействия с парламентом. Тем не менее, Столыпин сделал все возможное, чтобы заручиться поддержкой Государственной думы в проведении политики реформ. Единственной надеждой председателя Совета министров было то, что разногласия между различными оппозиционными фракциями позволят ему лавировать и добиваться принятия нужных решений.

6 марта Столыпин впервые выступает во II Думе, причем с программной речью, в которой была детально разъяснена вся правительственная политика реформ. Эта речь стала важнейшим из всех выступлений председателя Совета министров за весь период его государственной деятельности, и в силу ее особой значимости остановимся на ней подробнее.

Первая часть речи премьера была посвящена законодательной работе и из сказанного было совершенно очевидно, что Столыпин все же рассчитывал на сотрудничество с Государственной думой, а не взял изначально курс на ее роспуск. Не менее значимо, что глава кабинета прямо заявил о необходимости построения правового государства путем принятия новых законов, что не могло быть реализовано без взаимодействия с парламентом.

Председатель Совета министров подчеркнул необходимость пересмотра всего законодательства империи: «Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возвещенных Манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции

остались не нормированы нашим законодательством. Вследствие сего, *в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года…*

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обусловливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения, которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить».

Столыпин также сделал акцент на необходимости коренного расширения прав местного самоуправления, что не только являлось составной частью проводимой аграрной реформы, но и в целом стало важнейшим шагом к демократизации всей жизни в империи.

Трудно переоценить значение предлагаемых Столыпиным нововведений. Предложенная им в качестве первичной земской единицы бессословная волость не только становилась основой для создания новой системы самоуправления, в которой большинство полномочий переходило к органам местного самоуправления (но при этом не было угрозы анархии, учитывая, что оставался государственный надзор за законностью действий местного самоуправления). Это также означало окончательный отход от системы классовых привилегий в направлении создания общества гражданского равноправия.

Чрезвычайно характерно для Столыпина то, что он, указав на всю важность реформ экономического и политического характера, одновременно отметил приоритетность реформы образования. Понимая, что именно образование является фундаментом самого государства и общества, премьер отметил: *«Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдает себе отчет, что усилия эти будут бесплодны., пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную* высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно

нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения. *Школьная реформа на всех ступенях образования строится Министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы., но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней.* Особые заботы Министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения».

Не вызывает сомнения, что предлагаемая Столыпиным реформа народного просвещения не менее значима, чем аграрная – ее успешное завершение поставило бы Россию в один ряд с наиболее развитыми странами. Выделим ключевые моменты столыпинской образовательной реформы: общедоступность образования, обязательность определенного государством уровня образования, развитие системы профессионально-технического обучения и, главное – создания единой системы низшей, средней и высшей школы. Фактически он предложил построить новую эффективную модель отечественного образования, которая тогда нигде не имела полноценных аналогов.

Подчеркнем, что Столыпин считал крайне важным введение всеобщего обязательного начального обучения – это должно было значительно повысить уровень в лучшем случае малограмотной или же вообще неграмотной крестьянской массы. Глава правительства прекрасно осознавал, что имеющее хотя бы начальное образование крестьянство является обязательным условием дальнейшего развития России как передовой державы. С этой целью под личным контролем премьера Министерством народного просвещения был подготовлен законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», который в случае его принятия должен был в перспективе полностью изменить облик страны. Тогда новые поколения соответствовали бы проводимым коренным преобразованиям в экономической и политической сферах – Столыпин недаром подчеркивал, что «сначала гражданин, потом гражданственность».

Однако эта важнейшая реформа Столыпина (впрочем, как и ряд других) не была реализована. И отнюдь не по вине премьера. Законопроект был внесен в Думу еще в 1907 году, получил одобрение, но у Государственного совета были замечания (совершенно не принципиального характера), которые парламент счел неприемлемыми. В итоге, уже после смерти премьера, в 1912 году Государственный совет окончательно отклонил законопроект и всеобщее начальное обучение в Российской

империи так и не было введено. За политическими и личными амбициями и левые в Думе и правые в Государственном совете забывали об интересах народа…

Особо остановимся на том, что Столыпин обещал провести реформу высшей школы на началах царского указа от 27 августа 1905 года. Имелись в виду высочайше утвержденные «Временные правила об управлении учебными заведениями Министерства народного просвещения» (17 сентября 1905 года они были также распространены и на высшие учебные заведения других ведомств). «Временными правилами» профессорским коллегиям возвращалось право избрания ректора и его помощника (проректора), деканов и секретарей факультетов. Ректору также переходила в подчинение и «инспекция студентов» (де-факто полиция высшего учебного заведения), ранее управлявшаяся попечителями учебных округов.

Однако «Временные правила» действовали лишь до октября 1905 года. В первую очередь университетской автономией воспользовались революционные партии, сделавшие высшие учебные заведения площадкой для антиправительственных митингов. Полиция здесь была совершенно бессильна – она не могла войти без разрешения ректоров, а последние вполне отдавали себе отчет, что за подобное разрешение могут заплатить жизнью – террористы в отношении ученых мужей никаких сантиментов не испытывали. В конечном итоге это привело к тому, что 14 октября правительство временно закрыло высшие учебные заведения, а после возобновления их деятельности «Временные правила» фактически не применялись.

Возвращение Столыпиным признания правительством автономии высших учебных заведений было важным не только для дальнейшего развития высшей школы. Одновременно премьер демонстрировал, что Совет министров настолько уверен в своих силах, необратимости поражения революции и успокоения страны, что не боится полноценной университетской автономии.

На антистолыпински настроенную II Думу выступление главы правительства произвело, без преувеличения, огромное впечатление. Петр Аркадьевич докладывал царю: «Настроение Думы сильно разнится от прошлогоднего, и за все время заседания не раздалось ни одного крика и ни одного свистка».

Правда, признание масштаба Столыпина как государственного деятеля, человека воли и действия нисколько не смягчило думскую оппозицию в отношении проводимого им курса. Скорее, напротив. Понимая, что столыпинская политика не может быть реализована без ее творца и вдохновителя (что

впоследствии подтвердилось в полной мере), левые и кадеты делали все возможное и невозможное, чтобы устранить от власти председателя Совета министров.

Приведем оценку сложившейся ситуации со стороны одного из наиболее информированных и компетентных свидетелей событий – видного октябриста (единственная политическая партия, почти в полной мере осознававшая всю грандиозную важность столыпинских реформ) Никанора Васильевича Савича: «Положение стало явно нетерпимым. Встать на путь соглашения (Савич имеет в виду под «соглашением» капитуляцию. – *Авт.)* с Государственной Думой такого состава Верховная власть явно не могла, *это было бы равносильно отказу от своего собственного бытия, от своей исторической роли, это привело бы к крушению государственности, к распаду России».*

Столыпиным был сделан выбор, и как нельзя более кстати он получил в свои руки чрезвычайно убедительный довод для получения царского решения о роспуске. Речь шла о раскрытом охранным отделением факте агитации членов думской социал-демократической фракции в войсках, конечной целью которой была подготовка вооруженного восстания. Как правило, большинство историков склонны называть это «выдумкой» или даже «провокацией» Столыпина, не приводя при этом никаких доказательств. На самом деле, глава правительства действительно пресек подготовку социал-демократами восстания в войсках, что не могло бы терпеть ни одно правительство, даже самое демократическое. Да и не в характере Столыпина было прибегать к фальсификации – он мог быть жесток, но к бесчестным методам не прибегал никогда.

Председатель Совета министров вынес на рассмотрение II Думы требование дать согласие на арест членов социал-демократической фракции. Разумеется, премьеру было известно, что правительственное требование поддержат только немногочисленные правые и октябристы, и дальнейшее развитие событий было ему понятно заранее. Руководство II Думы (председателем которой был кадет Федор Александрович Головин) не дало ответа в обозначенный законом срок, что уже само собой являлось открытым вызовом правительству. Понятно, что это фактическое отклонение выдвинутого требования без немедленной ответной реакции стало бы огромным ударом по престижу правительства и лично Столыпина. Исходя из этого, председатель Совета министров обратился к императору с предложением немедленно, не дожидаясь более чем предсказуемого решения специально созданной думской комиссии, распустить Государственную думу. Как и в случае с I

Думой, Николай II долго колебался, но поздно вечером 2 июня окончательно согласился.

Роспуск II Думы дал возможность правительству арестовать социал-демократических депутатов (которые впоследствии были осуждены Особым присутствием Сената, большинство – к каторжным работам). Но, конечно же, главным для Столыпина был не роспуск II Думы (хотя понятно, что все надежды на сотрудничество с ней были полностью утрачены), а изменение закона о выборах.

Суть нового закона о выборах в Государственную думу (разработанного под личным руководством Столыпина его ближайшими сотрудниками в МВД и введенного Николаем II чрезвычайно-указным порядком) заключалась в следующем: количество выборщиков от крестьян уменьшилось с 44 % до 22 %, а от городских рабочих – с 4 % до 2 %. Резко сокращалось количество мест в Думе от наиболее антиправительственно настроенных или полностью не подготовленных к введению парламентских выборов регионов – Средняя Азия была полностью лишена представительства, значительно уменьшилось количество депутатов от царства Польского (12 вместо 36) и Кавказа (10 вместо 29), число городов с прямыми выборами было уменьшено с 26 до 5. Кроме того, было уменьшено и общее количество парламентариев – с 524 до 442.

Юридически действия императора (а по сути председателя Совета министров) можно характеризовать как государственный переворот (правовое обоснование Манифеста 3 июня не выдерживает никакой критики), но в данном случае речь шла о выборе меньшего из зол. Столыпин осознавал, что без принятия нового закона о выборах, который позволит сформировать конструктивно настроенную Думу, речь могла идти только о двух вариантах развития событий – дальнейшем нарастании хаоса или полной ликвидации молодого парламентаризма и других демократических институтов. Оба варианта были для главы правительства категорически неприемлемы, что и вынудило его инициировать более чем сомнительное с правовой точки зрения решение. Следует учесть также то, что огромная часть населения империи (в значительной степени полностью неграмотного) действительно была совершенно не подготовлена к введению парламентаризма. И не приходилось говорить о том, что оно будет в состоянии выразить на выборах свои подлинные интересы, а не станет объектом манипулирования (как со стороны революционеров, так, кстати, и самих властей). Нельзя было за несколько месяцев безболезненно ввести в недавней самодержавной монархии институты парламентаризма, которые в

европейских странах развивались на протяжении столетий.

«Путь созидательной работы»

В своих расчетах относительно эффективности нового избирательного закона Столыпин не ошибся. Он действительно сумел блокировать доступ в Думу крайним элементам и сформировать достаточно лояльный к своей политике реформ парламент.

Конечно, было бы совершенно неправильно утверждать, что премьер получил безгласную и полностью управляемую Думу (Милюков был вынужден признать, что «оппозиция проникла в Думу через ряд щелей и скважин, оставленных как бы в предположении, что для полноты представительского органа какая-то оппозиция все же должна в нем присутствовать»). Неоднократно, как Дума в целом, так и проправительственные фракции шли против Столыпина, но во всяком случае по многим ключевым для него вопросам он мог получить поддержку октябристско-правого большинства.

16 ноября 1907 года Столыпин выступил в Думе с программной речью, которая определила не только его основные направления сотрудничества с парламентом, но и реформаторскую линию правительства вплоть до трагической смерти его председателя.

Остановимся на ключевых моментах выступления председателя Совета министров (причем дадим их по думской стенограмме, в которой фиксировалась и реакция аудитории – она более чем красноречиво свидетельствует о настроении III Думы). Для понимания того, *кто* поддерживал Столыпина, следует учесть, что места в зале заседаний занимались в зависимости от политической ориентации фракций – левые занимали левую часть, правые – правую, центристы – центр.

Вначале Столыпин сказал об итогах своей борьбы с революционным насилием и еще раз подчеркнул, что не было другого выхода, чем отвечать силою на силу: «Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение. (Оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы «браво».)

Противопоставить этому явлению можно только силу (возгласы «браво» и рукоплескания в центре и справа). Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно

положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени – этим путем пойдет оно и впредь».

Вновь подчеркнем – для Столыпина жесткие меры по подавлению беспорядков были важны и как необходимое условие дальнейшей реформаторской работы. По словам премьера, «при этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устроению».

Как и раньше, председатель Совета министров заявлял, что основой «внутреннего устроения» является аграрная реформа, без которой любые преобразования не могут быть реализованы: «Устроение это требует крупных преобразований, но *все улучшения в местных распорядках в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства…*

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (рукоплескания центра и справа), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы».

В конечном итоге благодаря поддержке большинства III Думы Столыпин сумел в июне 1910 года добиться принятия парламентом аграрного закона, что открывало перед страной широчайшие перспективы развития.

Обратим внимание также на слова Столыпина о том, что «особые заботы правительства будут направляться к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России». Делать это премьеру было крайне непросто, в первую очередь из-за подозрительности императора. Однако Столыпину все же удалось в значительной степени реализовать поставленную цель. Прежде всего это произошло благодаря тому, что премьер сумел с помощью Думы получить дополнительные средства на восстановление армии и флота. По инициативе Столыпина был также упорядочен принцип комплектования Вооруженных сил, в значительной мере проведено их

перевооружение и создание новой инфраструктуры. Можно не сомневаться, что если бы не столыпинская работа в этом направлении, то Россию после начала Первой мировой войны уже в 1914 году ожидало бы неминуемое поражение.

Однако следует подчеркнуть крайне важный факт. Столыпин особое внимание уделял возрождению Вооруженных сил не потому, что хотел войны с центральными державами, а потому, что желал всеми силами избежать ее, расценивая как страшную катастрофу.

Одним из способов противодействия втягиванию империи в войну за совершенно чуждые ей интересы Великобритании и Франции (рассматривавших Россию исключительного в качестве «железного катка» против Германии и неисчерпаемого резерва «пушечного мяса») был для Столыпина контроль внешнеполитического курса. Делать это было не менее трудно, чем возрождать Вооруженные силы. И по той же причине… МИД, подобно Военному и Морскому министерствам, находился в непосредственном управлении самодержца – открытая попытка Столыпина повлиять на принятие внешнеполитических решений была бы однозначно расценена, как посягательство на исключительные царские прерогативы.

Однако отсутствие полномочий по руководству внешней политикой Столыпин сумел практически полностью компенсировать за счет негласного личного влияния на министров иностранных дел. Извольский полностью находился под влиянием премьера, и последний мог быть абсолютно уверен в том, что он не предпримет никаких шагов, которые могли бы послужить втягиванию России в назревавшую войну Еще более облегчало главе правительства контроль за МИДом и возможность влияния на процесс принятия внешнеполитических решений то, что товарищем министра иностранных дел был Сергей Дмитриевич Сазонов, женатый на сестре жены премьера Анне Борисовне Нейдгардт.

Столыпин делал все возможное, чтобы ускорить реализацию своих важнейших реформ – он понимал, что в любую минуту может лишиться поста главы правительства. Проведение второстепенного законопроекта о выборах в Государственный совет от западных земств чуть было не привело к отставке кабинета Столыпина.

Сразу же после отклонения правительственного законопроекта правым большинством Государственного совета Столыпин 5 марта 1911 года подал в отставку, но после долгих колебаний император 10 марта отклонил ее и разрешил премьеру прибегнуть к чрезвычайно-указному законотворчеству, распустив

палаты на трехдневный срок. Формально председатель Совета министров победил, но это была для него «пиррова победа», продемонстрировавшая невозможность дальнейшего взаимодействия с Государственным советом без принятия чрезвычайных мер.

Следует также учесть, что к этому времени все более значимым в правящих сферах стал распутинский фактор, оказывавший влияние в том числе и на положение Столыпина. Великий князь Александр Михайлович свидетельствовал: «Придворные круги были во власти двух противоречивых в своей сущности комплексов: зависти к успешной государственной деятельности Столыпина и ненависти к быстро растущему влиянию Распутина. *Столыпин., полный творческих сил, был гениальным человеком, задушившим анархию. Распутин являлся орудием в руках международных авантюристов. Рано или поздно государь должен был решить, даст ли он возможность Столыпину осуществить задуманные им реформы или же позволит распутинской клике назначать министров».*

Не менее интересно и мнение Крыжановского, также считавшего, что «звезда Столыпина клонилась к закату», и к тому же свидетельствовавшего, что здоровье премьера было полностью подорвано нечеловеческим напряжением государственной работы: «Пять лет тяжелого труда подорвали его здоровье и под цветущей, казалось, внешностью он в физическом отношении был уже почти развалиной. Ослабление сердца и Брайтова болезнь (тяжелое почечное заболевание. – *Авт.),* быстро развиваясь, делали свое губительное дело, и *если не дни, то годы его были сочтены.* Он тщательно скрывал свое состояние от семьи, но сам не сомневался в близости конца.

С *другой стороны, и положение его к тому времени пошатнулось. Смута затихла, а с успокоением ослабевало и то напряжение общественного чувства, которое давало опору Столыпину. Политика его создала немало врагов, а попытка затронуть особое положение дворянства в местном управлении, которую он, правда, не решался довести до конца, подняла против него и такие слои, которые имели большое влияние у Престола; приближенные Государя открыто его осуждали.* Давление, которое Столыпин производил на Государя в дни, когда решался вопрос об его отставке, в связи с провалом в Государственном Совете закона о земстве в Западных губерниях, не могло не оставить осадка горечи и обиды в душе Государя. Повышенная же настойчивость, которую он привык проявлять в отношении к Верховной Власти, укрепляла это настроение….

Предстояло медленное физическое угасание, потеря сил и

способности работать, а весьма возможно и утрата власти и горечь падения. *Соперники – и какие соперники! – начинали уже поднимать головы из разных углов. Предстояло увидеть, как другой человек сядет на место, которое он привык считать своим, и другая рука, быть может, рука ничтожного человека, одним презрительным движением смахнет все то, что он считал делом своей жизни. Для такого самолюбивого человека как Столыпин, эта мысль была хуже смерти.* И потому смерть принесла ему избавление».

Глава VII «Счастлив умереть за царя…»

Подготовка к киевским торжествам

В августе – начале сентября 1911 года в Киеве должны были пройти торжественные мероприятия, посвященные 50-летию введения земских учреждений в западных губерниях, и приуроченное к полувековой годовщине освобождения крестьян открытие памятника царю-освободителю Александру II. Учитывая, что все торжества были запланированы с высочайшим присутствием, меры охраны для них были предприняты экстраординарные.

Но следует уточнить одну деталь, важную для понимания дальнейших событий.

Меры охраны в Киеве предназначались в основном для безопасности царя и царской семьи и именно с этой целью были назначены ответственные лица. За безопасность премьера и других высших должностных лиц они формально тоже отвечали, но далеко не это было их главной задачей.

Что касается охраны Столыпина, то она находилась полностью в его руках. Меры по охране председателя Совета министров и министра внутренних дел во время его пребывания в Петербурге были детально расписаны специальной инструкцией от 10 марта 1910 года. Подробно расписанные в ней меры усиленной внешней охраны, сочетаемые с агентурной работой внутри революционных организаций, если и не делали полностью невозможным покушение в столице, то чрезвычайно затрудняли его проведение. Однако при выезде премьера в провинцию меры охраны были значительно слабее, что объяснялось исключительно его собственной волей. Столыпин мог брать с собой охрану из числа сотрудников столичного охранного отделения, но никогда этого не делал. Таким образом, премьер собственными руками фактически лишил себя сколько-нибудь надежной защиты, что до крайности облегчило задачу будущего убийцы.

Столыпин сознательно старался избегать усиленной охраны вокруг себя, хотя в отношении него за время руководства правительством было совершено, по разным данным, от 10 до 18 покушений.

Пренебрежение необходимыми мерами охраны объяснялось не в последнюю очередь и полуфаталистическим настроем Петра Аркадьевича, считавшего, что «все в руках Божьих» и не слишком верившего в земную защиту от убийцы. О мистическом предвидении заставляет задуматься завещание Столыпина, в первых строках которого было написано: «Я хочу быть погребенным там, где меня убьют». Глава правительства, видимо,

предчувствовал не только свою насильственную смерть, но и то, что она произойдет не в столице.

Министр внутренних дел был убежден, что для него большая опасность исходит изнутри, чем извне. Другими словами, он считал, что опасны не деморализованные революционеры, а враги во власти, которым был ненавистен волевой глава правительства и его политический курс. Премьеру было прекрасно известно, что многие высшие сановники чрезвычайно опасаются усиления его власти и постоянно муссируют тему о неких «диктаторских устремлениях» и намерении «оттеснить самодержца на задний план».

Министр осознавал, что лишь в незначительной мере контролирует аппарат политической полиции с его управляемой агентурой в террористических организациях. Практикой же, как того времени, так и всей позднейшей истории, было использование спецслужбами (или отдельными группировками влияния в них) террористических организаций для устранения соперников во власти.

Но вернемся к вопросу организации системы охраны во время киевских торжеств… Если охрана премьера находилась в его собственных руках, то для обеспечения безопасного пребывания царской семьи в Киеве были задействованы огромные силы полицейского аппарата.

При этом на одно обстоятельство в организации системы охраны нельзя не обратить внимания. Как правило, за организацию охранных мероприятий при приезде царя отвечали местные губернаторы. Хотя бывали прецеденты, что систему охраны перепоручали представителю МВД, но это касалось только небольших губерний, где не было достаточных собственных полицейских сил, что никак не могло относиться к Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору, обладавшему огромными полномочиями и возможностями.

Поэтому никто не сомневался, что полномочия по организации охраны будут предоставлены генерал-губернатору Федору Федоровичу Трепову. Однако царь принял беспрецедентное решение – в вопросах организации охраны подчинить генерал-губернатора товарищу министра внутренних дел и командиру ОКЖ генерал-лейтенанту Павлу Григорьевичу Курлову. Решение было принято царем без ведома министра внутренних дел, который был просто поставлен перед фактом, что не мог не воспринять как личное оскорбление.

Остается открытым вопрос: с какой целью Курлов за спиной министра добился решения о передаче в свое подчинение охраны во время киевских торжеств? Наиболее простой ответ:

меркантильные и карьерные соображения. Стало традицией, что каждый раз ответственных за организацию охраны во время царских поездок щедро награждали деньгами и ценными подарками, а также нередко повышали в звании. Кроме того, в распоряжении ответственного за организацию системы охраны оказывались большие средства (так, на охрану в Киеве было выделено 300 тысяч рублей), контроль за расходованием которых был не слишком строгим. Отнюдь не отрицая данного очевидного мотива, следует все же задаться вопросом: а был ли он единственным? Не было ли у Курлова еще и другого – получения абсолютной бесконтрольности действий, без которой невозможно было достигнуть некой поставленной им или ему цели?

Подчиненными шефа жандармов по охране киевских торжеств стали три должностных лица из числа охранного ареопага – заведующий охранной агентурой (личная охрана царской семьи) полковник ОКЖ Александр Иванович Спиридович, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, исполняющий обязанности вице-директора Департамента полиции статский советник Митрофан Николаевич Веригин и начальник Киевского охранного отделения подполковник ОКЖ Николай Иванович Кулябко. Именно они сыграли ключевую роль в дальнейших событиях, и следует дать хотя бы краткие характеристики как этим видным представителям политического сыска, так и их руководителю.

Господа охранники

51-летний шеф жандармов происходил из семьи потомственных военных – его дед от простого солдата дослужился до генерал-майора, а отец уже стал генералом от инфантерии. Сам же жандармский генерал последовательно служил в лейб-гвардии Конном полку, Корпусе пограничной стражи, военно-судебном ведомстве, потом в Министерстве юстиции.

После перехода в МВД Курлов занимал должности курского вице-губернатора и минского губернатора, пережил два покушения эсеровских боевиков в отместку за энергичное подавление революционных выступлений.

В 1906 году Курлов назначается управляющим Киевской губернией. Назначение состоялось по высказанной императору просьбе генерал-губернатора генерала от инфантерии Владимира Александровича Сухомлинова.

Следующий этап служебной карьеры Курлова – и. о. вице-директора Департамента полиции. На этой должности генерал пробыл недолго – с 14 апреля по 26 октября 1907 года, что в дальнейшем дало ему основание считать себя знатоком политического сыска (которым, конечно, он ни в коей мере за несколько месяцев кабинетной бюрократической работы стать не мог).

Столыпин изо всех сил сопротивлялся назначению Курлова в Департамент полиции. И дело не только в том, что министр крайне не хотел назначения на один из руководящих постов в Департаменте полиции полного дилетанта. Столыпин хорошо знал истинные причины лоббирования данного назначения со стороны дворцового коменданта генерал-адъютанта Владимира Александровича Дедюлина.

Последний был одним из наиболее влиятельных лиц в ближайшем окружении царя и возглавлял антистолыпинскую придворную группировку Дворцовый комендант делал все от него зависящее, чтобы дискредитировать премьера в глазах императора и добиться если не смещения, то хотя бы максимального ограничения властных полномочий главы правительства и МВД. Именно с этой целью Дедюлин пытался добиться через царя назначения Курлова в Департамент полиции, который возглавлял близкий Столыпину Трусевич. Назначение Курлова позволило бы Дедюлину через свою креатуру контролировать деятельность политической полиции, что лишало председателя Совета министров одного из главных рычагов

власти и влияния.

Премьер сопротивлялся, но единственное, чего он достиг – назначения Курлова не вице-директором, а исполняющим обязанности. Через несколько месяцев Столыпин все-таки добивается от Николая II устранения Курлова, предложив тому формальное повышение – должность начальника Главного тюремного управления. Однако 1 января 1909 года Дедюлин взял реванш – Курлов был назначен его товарищем и шефом жандармов. Достаточно быстро, пользуясь огромной загруженностью Столыпина на посту главы правительства, Курлов выводит из-под влияния министра Департамент полиции.

Генерал Герасимов (именно его Столыпин хотел сделать товарищем министра вместо Курлова) прямо называл шефа жандармов ставленником Распутина, пытавшегося с его помощью взять под контроль политическую полицию: *«Высокопоставленные друзья Распутина,* недовольные репрессиями против него со стороны политической полиции, приложили все усилия к тому, чтобы поставить во главе последней своего человека. *Они правильно понимали, что только распоряжение аппаратом полиции даст ключ к действительной власти. Подходящим кандидатом на пост высшего руководителя политической полиции в этих сферах сочли Курлова…* Он в это время был видным деятелем крайних правых организаций и *делал себе в высших кругах карьеру тем, что обличал «мягкость» и «либерализм» правительства Столыпина.* Последний некоторое время противился назначению Курлова, но должен был уступить, после того как Государыня во время одной из аудиенций сказала ему:

– Только тогда, когда во главе политической полиции станет Курлов, я перестану бояться за жизнь Государя».

Не менее любопытной личностью был и полковник Спиридович. В отличие от Курлова, он действительно являлся незаурядным мастером политического сыска, что признавали даже его недоброжелатели.

38-летний начальник охранной агентуры родился в семье офицера Пограничной стражи и прошел обычный путь для сына военного – Аракчеевский кадетский корпус, Павловское военное училище, служба в Оренбургском пехотном полку в Вильно. Отметим – его ближайшим другом в кадетском корпусе и училище был как раз Кулябко, который позднее еще и женился на сестре Спиридовича.

После шести лет полковой службы Спиридович переводится в жандармы. Закончив специальные курсы, новоиспеченный жандармский офицер по собственному желанию отравляется на стажировку в Московское охранное отделение. Последнее на тот

момент было наиболее сильным в России – его деятельность распространялась не только на Москву, но и на всю страну.

После работы в Москве Спиридович в 1902 году назначается начальником Таврического охранного отделения с центром в Симферополе. Данное отделение имело специфические задачи – оно было в основном учреждено для охраны императорской семьи во время приездов в Крым. Там Спиридович приобретает навыки обеспечения комплексной безопасности царской семьи, в том числе и во время ее выездов за пределы резиденций.

Отмеченный императором за успешную службу в Таврическом охранном отделении, Спиридович в 1903 году переводится с повышением – начальником Киевского отделения. Работая в Киеве в сложный предреволюционный период, он благодаря прекрасно поставленной агентурной работе держал под контролем все революционные партии, раскрыл лабораторию по подготовке бомб и провел арест опасного эсеровского боевика Мельникова. Но звездный час розыскника наступил 14 мая 1903 года. Спиридовичу удалось достичь огромнейшего успеха – арестовать создателя и первого руководителя эсеровской БО Григория Гершуни, которого безуспешно ловила вся полиция России (фотографию руководителя БО фон Плеве демонстративно поставил на рабочий стол).

Однако в Киеве начальник охранного отделения допустил и ошибку, едва не стоившую ему жизни. Одним из его лучших секретных сотрудников по освещению деятельности местной большевистской организации был слесарь Петр Руденко. Непосредственно ведший секретного сотрудника Спиридович просмотрел момент психологического перелома, о котором предупреждал Зубатов. В результате почти напротив охранного отделения, располагавшегося на Бульварно-Кудрявской, 29, он получил две пули от пытавшегося реабилитироваться перед товарищами большевика.

Впрочем, перед руководством репутация Спиридовича как мастера политического сыска нисколько не пострадала, и вскоре он был назначен заведующим охранной агентурой, выполнявшей функции охраны императорской семьи (но не проводившей самостоятельной агентурной работы). Необходимо подчеркнуть, что охранная агентура находилась в подчинении дворцового коменданта, а не МВД, и таким образом Спиридович был единственным из ответственных за охрану киевских торжеств, кто не подчинялся Курлову. Но это не значит, что он чувствовал себя независимым от шефа жандармов, в котором видел будущего министра внутренних дел. Курлов был доверенным человеком непосредственного начальника Спиридовича – дворцового

коменданта Дедюлина, а сам начальник охранной агентуры хотел вернуться с повышением в систему МВД (которому подчинялись и власти на местах, а не только общая и политическая полиция).

На фоне Спиридовича начальник киевской охранки Кулябко ни малейшими розыскными способностями не блистал, да и его репутация оставляла желать лучшего. Еще за два года до убийства премьера Киевское охранное отделение инспектировал хорошо известный нам Герасимов (к этому времени генерал для поручений при министре внутренних дел). Он констатировал полный развал агентурной работы, бесцельное разбазаривание выделенных на нее средств и общий низкий профессиональный уровень служащих отделения. Оставленный предшественниками немалый задел был полностью разрушен.

Всей своей карьерой Кулябко был всецело обязан Спиридовичу, который сначала перевел его из московской полиции в жандармы, а потом проталкивал бесталанного родственника все выше по охранной иерархии и даже чуть было не добился его назначения руководителем Московского охранного отделения.

Не блистал талантами и и. о. вице-директора Департамента полиции 33-летний статский советник Веригин. После окончания Императорского училища правоведения он служил в Департаменте полиции на канцелярских должностях, никогда розыскной работой не занимался, а своей высокой должностью был обязан исключительно Курлову. Последний, кроме продвижения Веригина по службе, выхлопотал ему через Дедюлина и придворное звание камер-юнкера.

Но все эти очень разные люди составляли по современной терминологии «команду», в интересах которой было скорейшее устранение Столыпина с должности главы правительства и министра внутренних дел. В придворных сферах даже открыто называли их будущие должности после ухода Столыпина. Курлов считался будущим министром внутренних дел, Спиридович – столичным градоначальником, Веригин – директором Департамента полиции, Кулябко – заведующим охранной агентурой.

Начало. Явление «Аленского»

Вечером 27 августа в гости к начальнику охранного отделения пришли Спиридович и Веригин. Работа по обеспечению безопасности торжеств была проделана огромная, что определило и прекрасное расположение духа охранников. Меры охраны были приняты действительно беспрецедентные, и можно было быть уверенными, что в условиях тотального контроля никто не осмелится думать о проведении покушений.

Ничто не предвещало неожиданностей, но они появились в лице 24-летнего помощника присяжного поверенного Богрова. Прежде чем изложить, с чем Богров пришел к начальнику охранки, следует рассказать об этом типичном продукте периода разложения российского общества и утраты им нравственных ориентиров (эта эпоха известна под красивым, но лживым названием «серебряный век»).

Богров происходил из богатой еврейской семьи. По одним документам он числился Дмитрием Григорьевым, по другим – Мордко Гершковым (позднее в приговоре суда будут использованы одновременно оба имени), но сам Богров использовал исключительно первый вариант.

Отец Богрова был влиятельным в Киеве присяжным поверенным и крупным домовладельцем. Он владел большим домом на Бибиковском бульваре, 4, который приносил стабильный доход. Его общее состояние оценивалось в полмиллиона рублей, что позволяло ему широко участвовать в благотворительной деятельности. По взглядам Богров-старший был умеренным либералом и сочувствовал партии кадетов.

После окончания с отличием гимназии Дмитрий Богров поступает на юридический факультет киевского Университета Святого Владимира. В 1905 году, когда из-за революционных волнений занятия в университете прекратились, родители отправляют сына на учебу в Мюнхен.

Его политические предпочтения в этот период были уже далеки от отцовских. По словам одного из знакомых будущего террориста, Богров «поступил в Киевский университет вполне сформировавшимся социалистом-революционером». Но во время пребывания в Германии даже эсеры начинают ему казаться недостаточно радикальными. В конце 1906 года Богров переходит к анархо-коммунистам, принимает активное участие в работе их киевского кружка и вскоре занимает в нем видное положение. Анархисты тогда были наиболее радикальной группировкой в революционном движении, выступая не за достижение локальных

политических целей, а за полный слом всей системы общественных отношений. Как правило, в анархистских группах скапливались бывшие эсеры, эсеры-максималисты и, в меньшей мере, эсдеки, недовольные «пассивностью» своих партий.

При этом анархисты представляли для Департамента полиции особую сложность. Они состояли из отдельных автономных кружков, не имели жестко структурированной организации подобно эсерам, и внедрить «центральную агентуру» в руководящие партийные органы было невозможно за отсутствием таковых. Анархистские группировки действовали спонтанно и, как правило, существовали недолго, что еще более осложняло использование агентуры. Отметим еще и следующую немаловажную деталь. Анархисты практически никогда не устраивали долгих разбирательств и последующих партийных судов в отношении заподозренных в сношениях с охранкой (как это любили делать эсеры), а при наличии серьезных подозрений сразу убивали. Значение этого факта будет ясно в дальнейшем.

Богров, выбрав верную линию поведения, быстро стал видной фигурой среди киевских анархо-коммунистов. Не принимая непосредственного участия в анархистских эксах и убийствах, он начал претендовать на статус крупного теоретика, чем вызывал к себе чрезвычайно уважительное отношение среди полуграмотных боевиков.

Но один из виднейших киевских анархо-коммунистов с конца 1906 года был одновременно секретным сотрудником Киевского охранного отделения, подписывавшим агентурные донесения псевдонимом «Аленский». К сотрудничеству его никто не принуждал, деградировавшее при Кулябко Киевское охранное отделение даже не знало о принадлежности Богрова к революционному движению. Богров сам пришел на Бульварно-Кудряв скую, 29, к начальнику охранки и предложил свои осведомительские услуги. Это ему было тем проще сделать, что Кулябко он хорошо знал лично – тот был приятелем и партнером по карточной игре его отца, часто бывал у них в доме.

В 1910 году Богров ради юридической карьеры переезжает в Петербург. Подчеркнем – переезжает именно из-за карьерных соображений, а не потому, что хотел порвать с охранкой или ощутил к себе недоверие со стороны товарищей по революционной деятельности. Начальник Киевского охранного отделения ни в коей мере переезду не препятствовал и на этом связь Богрова с охранкой могла бы прерваться навсегда. Кулябко даже и не поднимал вопрос о том, что «Аленский» должен продолжить сотрудничество со столичным охранным отделением. Богров сам написал бывшему руководителю в Киев письмо с

просьбой сообщить, кому в Петербурге можно передавать имеющуюся у него информацию, и получил ответ, что он может обратиться к полковнику фон Коттену. Понятно, что одновременно последний был предупрежден Кулябко о том, что к нему обратится «Аленский».

Но в столице у Богрова не складывается юридическая карьера и после недолгого пребывания за границей он возвращается в Киев. Кулябко не мог не знать о возвращении агента, но сам на контакт с ним не вышел, что еще раз доказывает: никто в охранке не думал принуждать «Аленского» к продолжению сотрудничества и тем более шантажировать.

«Николай Яковлевич» и «Нина Александровна»

Богров пришел вечером на квартиру к Кулябко (что само по себе являлось серьезным нарушением требований конспирации) не с пустыми руками, а принес ему подробное письменное донесение.

Это было уже второе свидание с начальником охранки за день. За несколько часов до этого Богров встретился с начальником наружного наблюдения Киевского охранного отделения Самсоном Демидюком и, сказав, что обладает информацией о готовящемся во время киевских торжеств террористическом акте, попросил устроить встречу с Кулябко. Непонятно, почему Богров не позвонил сам начальнику охранного отделения, а сделал это через Демидюка. Непонятна и реакция Кулябко – он дал указание Демидюку привести к нему «Аленского» непосредственно в здание охранного отделения (правда, как рассказывал Демидюк, «не с парадного хода через все отделение, а через черный ход»). «Черный ход» здесь мало что меняет. Для любого охранника азбучной истиной было то, что агентуре категорически недопустимо назначать встречи в служебном помещении. Если, конечно, не хотят ее целенаправленно провалить…

Однако свидания в охранном отделении Кулябко оказалось мало. Он выслушал информацию и назначил через несколько часов встречу у себя на квартире, куда Богров должен был принести письменное донесение, что последний и исполнил. В донесении сообщалось, что через Лазарева (о котором «Надеждин» докладывал полковнику фон Коттену) с ним ранее установил связь некий эсер с партийным псевдонимом «Николай Яковлевич», интересовавшийся, сохранил ли Богров революционные убеждения. А в конце июня Богров получил письмо, где вопросы о его настроении были еще более детальны. Якобы после получения письма он немедленно ответил, что остался анархо-коммунистом.

Уже одного этого было достаточно, чтобы понять – Богров, как минимум, что-то недоговаривает. Иначе ничем нельзя объяснить то, что он сообщил о письме «Николая Яковлевича» (как следовало из его информации, связанного непосредственно с ЦК ПСР) только спустя два месяца после его получения. Эсеры являлись главными объектами внимания охранки, и Богров обязан был бы немедленно сообщить руководству о случившемся.

После этого якобы «Николай Яковлевич» сам нашел Богрова на даче в Потоках под Кременчугом и сообщил о готовящемся эсерами во время киевских торжеств террористическом акте против премьера или министра народного просвещения Кассо. Одновременно он попросил найти квартиру в Киеве для ночлега и организовать доставку террористов в город моторной лодкой по Днепру.

И даже после этого Кулябко не обратил ни малейшего внимания на то, что такую важнейшую информацию «Аленский» ему немедленно не доложил. По словам Богрова, он обратился к начальнику охранки только потому, что прочитал информацию в какой-то московской газете о возможном покушении на Столыпина и узнал об утреннем самоубийстве, которое он почему-то связал с возможным покушением!

Дальнейшие действия Кулябко также не могут не поражать. Он попросил Богрова повторить все сказанное в присутствии Спиридовича и Веригина, таким образом раскрывая перед ними своего агента (не менее поразительно, что во время ужина перед приходом Богрова он ничего не сообщил коллегам о полученной ранее информации!). Если в отношении Веригина это с некоторой натяжкой можно оправдать тем, что тот являлся одним из руководителей Департамента полиции, то Спиридович по занимаемой должности вообще не имел никакого отношения к МВД и, следовательно, ни при каких условиях перед ним не мог быть раскрыт секретный сотрудник.

При разговоре со Спиридовичем и Веригиным Богров повторил с некоторыми дополнениями и незначительными изменениями ранее сказанное Кулябко и написанное в донесении.

Представляется невероятным, но сведения Богрова были сочтены начальником Дворцовой агентуры «полностью достоверными». Если доверчивость Кулябко (хотя речь шла об очевидных нестыковках) могла быть объяснена его бездарностью как охранника, а Веригина – полным отсутствием у него навыков практической охранной работы, то уж мастера розыска Спиридовича никак нельзя счесть непрофессионалом. Однако полковник не только не подверг сомнению столь неубедительную ложь (достаточно смехотворного утверждения о том, что БО ПСР могла обратиться за помощью к анархо-коммунисту), но и известил дворцового коменданта о важности полученной информации.

Странно также выглядит то, что раз информация была все-таки сочтена достоверной, о ней не доложили руководившему всеми охранными мероприятиями Курлову. Впоследствии это

неубедительно объяснялось тем, что генерал был в этот вечер болен. Более того, сделать это на следующий день Спиридович и Веригин поручили Кулябко – самому младшему по должности и полномочиям в собравшейся компании. В дальнейшем (если верить показаниям Спиридовича) начальник охранной агентуры никакого отношения к делу о готовящемся покушении не имел и ничего не знал о предпринимаемых Кулябко мерах, что звучит фантастически. Сначала заявить, что государю грозит реальная опасность убийства, а потом ограничиться лишь некоторым усилением мер наружной охраны и ни во что больше не вмешиваться? Да и никогда бы Кулябко не взял на себя огромную ответственность принятия самостоятельных решений по делу, касающемуся безопасности императора, не посвящая во все детали начальство и влиятельного родственника.

28 августа Кулябко доложил Курлову в присутствии Веригина и Спиридовича о полученной информации и получил ряд указаний. После этого он направил филеров в Кременчуг и Потоки. Однако не было дано самого очевидного и необходимого указания – установить филерское наблюдение за самим Богровым. За квартирой на Бибиковском бульваре Кулябко наблюдение поставил, но каким образом! Как свидетельствовал явно сам удивленный Демидюк: «Того же 27-го августа вечером я учредил наблюдение за квартирой Богрова по Бибиковскому бульвару в доме № 4. По 31-е августа включительно люди мои наблюдали этот дом, но ни входа, ни выхода субъекта указанных примет не видели. С утра 1-го сентября я получил сведения, что «Николай Яковлевич» ночевал эту ночь у Богрова и что необходимо усилить наблюдение. Распоряжение подполковник Кулябко отдал в 3 часа пополуночи, и я 1-го сентября с 7 часов утра сам стал в наблюдении совместно с тринадцатью другими филерами. До этого времени *наблюдение за домом Богрова ставилось обыкновенно с 9 часов утра и продолжалось часов до 10 вечера, так что после этого времени до утра всякий свободно мог пройти в квартиру Богрова, не будучи замеченным агентами».*

Непонятная уверенность Кулябко оказала на всех какое-то буквально магическое действие. Опытнейший агентурист Спиридович не указал на странности донесения «Аленского». Не подсказал он шефу жандармов и элементарно необходимые действия. Среди них обязателен был запрос в Департамент полиции об имеющихся сведениях на эсеровского террориста «Николая Яковлевича». Дело в том, что Богров это имя не выдумал (как позднее и «Нину Александровну»). Он слышал о таком террористе в эсеровских кругах и использовал полученную информацию для придания правдоподобности своему рассказу.

Вполне возможно, что ответ Департамента позволил бы точно узнать, где в данный момент находится боевик, а также сходятся ли описания внешности.

Но, судя по всему, никого из присутствовавших не интересовала реальная информация о «Николае Яковлевиче».

С 28 по 30 августа никаких действий, кроме маловажных запросов и имитации наружного наблюдения на Бибиковском бульваре, охранниками предпринято не было – развитие событий было полностью пущено на самотек (или, напротив, направлялось в нужную сторону).

Новый импульс происходящему опять придал Богров, сообщив Кулябко 31 августа тревожные новости. В показаниях подполковника об этом сказано следующее: «31 сего августа по телефону Богров сообщил, что Николай Яковлевич приехал в Киев и из разговора с ним он убедился, что дело, задуманное Николаем Яковлевичем, очень серьезное, и он предъявил ему требование *собрать точные приметы министра внутренних дел Столыпина и министра народного просвещения Кассо*, для каковой цели ему необходимо быть в Купеческом саду, так как за ним может быть установлено перекрестное наблюдение со стороны соучастников Николая Яковлевича и отсутствие его может привести к провалу».

«Аленский» как будто издевается над Кулябко. Достаточно одного пассажа о требовании «собрать» в Купеческом саду (где должен был присутствовать Николай II) приметы Столыпина и Кассо, чьи портреты несчетное количество раз печатались во всех российских газетах! Однако начальник охранного отделения без вопросов дает Богрову билет, нарушая инструкцию, строжайше запрещающую нахождение секретных сотрудников (как априори потенциально опасный по террору элемент) рядом с высокопоставленными особами и, тем более, императором.

Мог ли Кулябко выдать билет Богрову без ведома Курлова или Спиридовича? Представляется невероятным, что провинциальный деятель охранки принял на себя единоличную ответственность за допуск осведомителя в место присутствия императора.

Богров пошел в Купеческий сад, но не предпринял попытки покушения на Столыпина. Как он потом сказал на допросе: *«Почему не выполнил свои намерения – не знаю».* Почему – непонятно. Богрова обвинить можно очень во многом, но только не в трусости и нерешительности.

Отметим важнейшее обстоятельство: Богров имел полную возможность выстрелить в царя, в непосредственной близости от которого находился. Спасло императора то, что «Аленский» (во

всяком случае, по его словам) счел цареубийство нецелесообразным. Как было записано в протоколе допроса Богрова: «у него возникла мысль совершить покушение на жизнь Государя Императора, но была оставлена им из боязни вызвать еврейский погром. Он как еврей не считал себя вправе совершить такое деяние, – которое вообще могло бы навлечь на евреев подобные последствия и вызвать стеснение их прав. Записать и подписать это он категорически отказался, мотивируя свой отказ тем, что правительство, узнав о его заявлении, будет удерживать евреев от террористических актов, устрашая организацией погромов».

Трудно сказать, насколько Богров был откровенен, но то, что он имел совершенно реальную возможность для покушения на Николая II, ни малейшего сомнения не вызывает.

Сказанное «Аленским» имеет еще одно, крайне важное значение. В принципе, он просто озвучил общую практику ПСР, обычно избегавшей делать евреев непосредственными исполнителями наиболее важных террористических актов (не говоря уж о цареубийстве), чтобы избежать обвинений в «еврейской революции». Это прекрасно было известно охранке, и 1 сентября те, кто допустил Богрова в театр, где присутствовал император, могли быть почти уверены, что самодержцу опасность со стороны секретного сотрудника еврейской национальности грозить не будет и пули полетят в предназначенном им направлении. Ведшие Богрова не один год охранники имели полную возможность понять его психологию и убедиться в том, что на убийство Николая II он не пойдет. Последнее снимает наиболее серьезное возражение противников теории антистолыпинского заговора, утверждающих, что заговорщики никогда бы не рисковали жизнью императора.

Новую информацию от «Аленского» (опять инициатива принадлежала агенту!) Кулябко получил в ночь с 31 августа на 1 сентября и события вступили в завершающую фазу. По свидетельству начальника Киевского охранного отделения: «В ночь на 1 сентября *Богров пришел в отделение* (создается впечатление, что у киевской охранки вообще не было конспиративных квартир! – *Авт.)* и *сначала письменно*, а потом в личном разговоре со мной, заявил, что у него в квартире ночует приехавший Николай Яковлевич (обращает на себя внимание, что пришел «Аленский» с письменным донесением. Хотя было очевидно, что если бы «Николай Яковлевич» действительно находился у Богрова, тот вряд ли бы решился писать информацию в охранку дома. – *Авт.),* имеющий два браунинга, а приехавшая с ним девица Нина Александровна поселилась на неизвестной

квартире и имеет у себя бомбу. Из разговора с Николаем Яковлевичем *он убедился, что покушение готовится на Столыпина и Кассо и успех такового вполне обеспечен.* Что же касается Нины Александровны, то таковую Богров обещался указать при посещении ею его квартиры 1-го сего сентября между 12 и 1 часом дня. Ввиду таковых сведений наблюдение за квартирой Богрова было усилено».

Богров заявил, что ему необходим билет на вечернее представление в городской театр, обосновав это тем, что боевики настаивают на выполнении данного ими поручения о «выяснении примет». И опять Кулябко не замечает (или не хочет замечать) саму абсурдность поручения.

18 ряд, кресло № 406

Вторая встреча с Богровым произошла у Кулябко утром. На этот раз не на квартире и не в охранном отделении, а в переполненной людьми гостинице в присутствии Веригина, и о содержании состоявшейся беседы мы знаем со слов последнего: «Рано утром приехал в Европейскую гостиницу 1-го сентября подполковник Кулябко и, узнав, что генерала Курлова нет еще дома, т. к. он поехал сопровождать Его Величество, рассказал, что прошедшей ночью он получил записку от того лица, с которым мы у него виделись после обеда, и что этот господин сообщает ему, что накануне приехал и остановился у него тот неизвестный, что приезжал в Кременчуг и что готовится покушение на председателя Совета министров статс-секретаря П. А. Столыпина и министра народного просвещения Кассо, и что лицо, приехавшее 1-го сентября, между 12 час. дня и часом будет видеться с некоей Ниной Александровной, после чего будет все решено, а лицо же, сообщившее это ему запиской, после окончания свидания приехавшего с Ниной Александровной придет в Европейскую гостиницу в № 10, где живет пол-к Спиридович. После этого мы направились пить кофе в столовую, минут 30, а может быть и более спустя пришел лакей и сказал г-ну Кулябко, что пришел г-н Анненский (Веригин, как ранее и фон Коттен, слегка искажает агентурный псевдоним Богрова. – *Авт.)* и прошел наверх; подп. Кулябко встал и ушел, а я остался внизу допивать кофе; окончив, я поднялся наверх в № 14, где у меня помещается кабинет, войдя в него, я увидел подп. Кулябко и Анненского, сидящих на диване; когда я к ним подошел, то подп. Кулябко сказал мне, что свидание приехавшего с «Ниной Александровной» не состоится днем; на вопрос мой почему, Анненский сказал, что оно отложено до 8 час. веч. и что решено встретиться на горке Бибиковского бульвара. Из дальнейшего разговора выяснилось, что Анненский уверил, что у «Нины Александровны» есть бомба, так как приехавший сказал, что у нее «багаж» и что нет сомнения, что будет произведен террористический акт. Во время разговора пришел курьер и доложил, что ген. Курлов возвратился, поэтому я пошел доложить, что его желает видеть начальник охранного отделения по очень спешному делу. Подполковник Кулябко был немедленно приглашен к товарищу министра, где сделал доклад».

Через несколько часов после свидания в «Европейской» благодаря содействию Кулябко у Богрова опять была полная возможность совершить «центральный» террористический акт. На

городском ипподроме в присутствии царя и председателя Совета министров проходил смотр потешных (парад учащихся киевских гимназий) и билет туда был им опять получен от Кулябко.

Богров имел полную возможность на ипподроме совершить покушение на Столыпина и никто в этом ему помешать бы не успел. Почему он опять не выстрелил? Не принял окончательного решения? Или кто-то другой тогда еще не принял окончательного решения?

Есть и другое объяснение бездействия Богрова в непосредственной близости от Столыпина. Он явно был уверен, что будет арестован, и все время ожидал действий со стороны охранного отделения.

Дело в том, что днем у него на квартире произошло событие, которое должно было полностью разоблачить перед охранниками все невероятные нагромождения лжи «Аленского». По невероятному совпадению писарь охранного отделения Сабаев был кумом служанки Богровых и в этот день зашел к ней в гости (ему нужно было срочно перезвонить в охранное отделение, чтобы семье Костюка отнесли домой пропуска на ипподром). Как он потом свидетельствовал на допросе: «Зайдя в квартиру Богровых, где служит моя кума, я застал ее на кухне и, *осведомившись, что в квартире находится один «молодой барин»*(родители Богрова все эти дни были в отъезде. – *Авт.),* просил разрешения пройти к телефону. Кума мне охотно это разрешила, и я, пройдя несколько комнат и никого в них не встретив, подошел к телефону, снял трубку и, как полагается, громко назвал номер телефона Киевского охранного отделения. Дверь из комнаты, к которой я стоял спиной, отворилась, кто-то громко произнес: «Из нашей квартиры с охранным отделением разговаривать нельзя!» *Я быстро обернулся и увидел в дверях комнаты человека, которого я знал как секретного сотрудника охранного отделения под кличкой «Аленский»* (нельзя еще раз не отметить порядки Кулябко, у которого даже писари знали секретных сотрудников и их псевдонимы. – *Авт.),* которому за день или два перед этим я – бывши дежурным по охранному отделению – поздно ночью отворял двери и впускал его для свидания с подполковником Кулябко. Что сотрудником «Аленским» является Богров, я не только не знал, но и не предполагал. «Аленский», в свою очередь, видимо узнал меня и, быстро хлопнув дверью, скрылся в своей комнате. Я же настолько растерялся от этой неожиданной встречи с секретным сотрудником, что положил трубку телефона на место, быстро прошел в кухню и, не задерживаясь у кумы, ушел домой».

Дальнейшие события должны были развиваться следующим

образом. Наблюдавшие за квартирой филеры обязаны были немедленно доложить о визите Сабаева Кулябко, а тот – сразу же вызвать писаря к себе. Тогда бы неминуемо выяснилось, что никакого «Николая Яковлевича» на квартире у Богрова нет, что в свою очередь обязательно повлекло бы за собой арест агента-дезинформатора.

Но ни малейшей реакции Кулябко на визит своего служащего в квартиру Богрова не было!

Когда Богров понял, что приход Сабаева минул для него без последствий и ареста можно не опасаться, события закономерно стремительно пошли к трагическому финалу.

Возникает очередной вопрос. Если даже предположить, что все руководители охраны в Киеве не видели очевидных вещей, не понимали, что Богров примитивно и неумело лжет, то и тогда они поступали алогично. Согласно полученной информации, в Киев прибыла группа опаснейших террористов и их дальнейшие действия неизвестны и непрогнозируемы. Исходя из этого, следовало немедленно арестовывать «находившегося у Богрова» «Николая Яковлевича». Вместо этого охранники пассивно ждут развития событий, рискуя тем, что в любой момент может произойти покушение (не исключено, что и на царя).

В 9 вечера в городском театре в присутствии царя и председателя Совета министров должен был состояться оперный спектакль «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова. Все приглашенные на него прошли проверку, но Киевское охранное отделение получило для своих нужд билеты с незаполненной графой фамилии (все билеты были именными), и их распределением ведал лично Кулябко.

Позднее на следствии и уже при Временном правительстве Курлов и Спиридович пытались представить выдачу билета Богрову несогласованной с ними личной инициативой начальника Киевского охранного отделения. Но даже если бы и не было ранее согласованной общей позиции относительно целесообразности выдачи пропусков Богрову, они в обязательном порядке должны были контролировать списки приглашенных на спектакль, учитывая присутствие на нем императора. Также вся имеющаяся информация не вызывает сомнения, что уже непосредственно в театре Курлов, Спиридович и Веригин знали о присутствии в зале Богрова и никаких возражений это у них не вызвало.

Несмотря на все более бросающийся в глаза абсурд происходящего, Кулябко выдает своему осведомителю билет в 18-й ряд партера (место № 406), который за час до начала спектакля Богров получает от присланного филера.

При этом Кулябко выписывает билет в партер, где Богров имел свободный доступ к любому министру, а также легко мог выстрелить или бросить бомбу в царскую ложу. «Аленский» мог почти так же свободно пронести под фраком в театр небольшую бомбу, как и пистолет, что делало шансы на успех цареубийства очень высокими.

О том, что произошло потом, лучше всего свидетельствуют очевидцы. Одно из наиболее точных описаний принадлежит перу киевского губернатора Алексея Федоровича Гирса, который из всех свидетелей и мемуаристов ближе всего находился к месту покушения: «Я был на линии 6-го или 7-го ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке (около Столыпина не было ни одного киевского охранника (!), а привезенного из Петербурга офицера охраны он отправил вызвать автомобиль. – *Авт.)*. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер (на самом деле это был купленный Богровым в 1908 году в Берлине пистолет «Браунинг № 1», разрешение на который он имел от охранного отделения и, следовательно, Кулябко знал о том, что у «Аленского» есть оружие. – *Авт.),* и я услышал два коротких сухих выстрела, последовавших один за другим (непонятно, почему Богров стрелял только два раза. В условиях общей растерянности он смог бы произвести еще несколько выстрелов и быть уверенным в достигнутом результате. Также надо отметить, что стрелком он был плохим, о чем свидетельствуют результаты попаданий с расстояния в два шага. – *Авт.)*. В театре громко говорили, и выстрел слышали немногие, но когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П. А. Столыпина и на несколько секунд все замолкло. П. А. как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено!» Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за Царя». *Увидя Государя, вышедшего в ложу* и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы Государь отошел. Но Государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом».

Когда первый шок прошел, присутствующие (не охранники, которые должны были быть все время рядом с премьером!) схватили Богрова и начали избивать. Скорее, даже не избивать, а

убивать, о чем свидетельствует находившийся в зале журналист Александра Панкратов: «Человек пятьдесят чиновников, военных, камергеров, «союзников» (имеются в виду члены черносотенного «Союза русского народа». – *Авт.)* набросилось на него. Убийцу уже не было видно, он лежал на полу. Толпа мяла его, терзала, била. Какой-то чиновник, стоя в ложе Потоцких, около выхода, обнажил шпагу. Блеснуло лезвие и опустилось на убийцу Этот же чиновник выскочил из ложи на спину или на грудь его и стал топтать. В эту страшную минуту театр жил страшной жизнью. Сверху из лож исступленно кричали:

– Убить его! Убить!

Кричали женщины. Кричали истерически, жестикулируя руками… Потом избитого убийцу толпа выволокла из зала».

Столыпина еще не успели вынести из зала, как, после появления царя в ложе, сначала артисты на сцене, а потом все находившиеся в зале запели гимн. Пропев его несколько раз, перешли на молитву «Спаси, Господи, люди твоя». Что тут можно сказать… Странная сцена. Только что террорист тяжело ранил главу правительства, а присутствующие торжественно распевают гимны и молитвы.

Никто из многочисленных охранников и не подумал срочно эвакуировать царя, чтобы возможные сообщники пойманного террориста не совершили попытки цареубийства. А ведь несколько поколений жандармов прекрасно помнили историю убийства императора Александра II, ставшего возможным исключительно благодаря поражающему непрофессионализму его охраны, не настоявшей на немедленном отъезде от места покушения после неудачного броска бомбы народовольцем Николаем Рысаковым. Это дало возможность другому террористу – Игнатию Гриневицкому приблизиться вплотную к царю и довершить начатое.

А что предпринял начальник охранной агентуры, который должен был, согласно своим непосредственным служебным обязанностям, в создавшейся ситуации ни на шаг не отходить от императора и срочно доставить его из театра в безопасное место? Согласно свидетельству очевидцев, полковник побежал к месту расправы с Богровым с обнаженной шашкой и даже уже замахнулся ею на террориста. Потом Спиридович рассказывал, что якобы хотел отбить «Аленского» от толпы. Однако вряд ли для этого надо было замахиваться шашкой. Выскажем мнение, что скорее он преследовал противоположную цель. Это было тем проще сделать, что все равно потом можно было легко списать смерть террориста на разъяренную толпу, да и в глазах царя она была бы только плюсом для Спиридовича.

Спас Богрова помощник начальника Киевского губернского жандармского управления подполковник Александр Александрович Иванов. Он выхватил Богрова у избивавших и закрыл его собственным телом. Можно не сомневаться – не вмешайся сообразивший, что надо делать, жандарм, то Богрова убили бы прямо в театре.

Смерть премьера, следствие и казнь на Лысой горе

Богров нанес премьеру тяжелейшее ранение. Пули браунинга имели перекрещивающиеся надрезы и действовали как разрывные. Первой пулей оказались пробиты грудная клетка, плевра, грудобрюшная преграда и печень, вторая раздробила кисть левой руки (потом рикошетом ранила музыканта в оркестровой яме). Особенно усугубило ситуацию то, что частицы от раздробленного пулей ордена Святого Владимира пронизали печень, что лишало раненого шансов на спасение, хотя врачи и делали все возможное.

Раненого на карете «скорой помощи» привезли из театра в частную хирургическую лечебницу доктора Маковского на Малой Владимирской, 33. Столыпин долго боролся за жизнь. С утра 4 сентября он стал постоянно терять сознание, бредить, стонать, а днем окончательно впал в забытье. Умирал премьер за царя мучительно – громко стонал, появилась страшная икота, которая была слышна даже на лестнице. 5 сентября в 9 часов 53 минуты пополудни Столыпина не стало.

Погребение состоялось 9 сентября. Похоронили председателя Совета министров согласно оставленному им завещанию – там, где он встретил смерть. Место было выбрано символично – рядом с могилами выданных на расправу царем Петром Великим и казненных предавшим свой народ клятвопреступником Мазепой полковников Искры и Кочубея у Трапезной церкви Киево-Печерской лавры, в которой и проходила заупокойная литургия.

Что касается задержанного террориста, то первые сведения о мотивах своих действий и всей истории отношений с охранным отделением он дал немедленно после задержания – на допросе, проведенном в театре подполковником Ивановым по поручению Чаплинского (на допросе также присутствовали товарищ прокурора судебной палаты Царюк и прокурор Брандорф): *«Решив еще задолго до наступления августовских торжеств совершить покушение на жизнь министра внутренних дел Столыпина, я искал способ осуществить это намерение.* Так как я не имел возможности встретиться с министром, я решил обратиться к начальнику охранного отделения Н. Н. Кулябко, которому я рассказал, что ко мне обращался некий молодой человек, который готовится совершить покушение на одного из министров и что этот молодой человек проживает у меня на квартире. Кулябко, будучи очень взволнован сообщенными сведениями,

поставил наблюдение за моей квартирой для установления личности этого молодого человека…

Все рассказанное мною Кулябко было вымышлено.

Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции… Никакого определенного плана у меня выработано не было, я только решил использовать всякий случай, который может меня привести на близкое от министра расстояние, именно сегодня, ибо это был последний момент, в который я мог рассчитывать на содействие Кулябко, так как мой обман немедленно должен был обнаружиться».

Нельзя не обратить внимание на следующий момент. Богров утверждает, что решил совершить покушение задолго до торжеств, но как с этим согласуется его явно наскоро созданная ложь о террористах? Умственной ограниченностью «Аленский» не страдал, имел огромный опыт работы на охранку, но почему-то придумал нелепую историю, которую не составляло ни малейшего труда разоблачить при несложной проверке. Причем в изложении Богрова еще более очевидно, насколько бредовыми доводами он оперировал. Чего только стоит его рассказ Кулябко о том, что его присутствие в театре лишит заговорщиков «необходимого сигнала».

Логичными представляются два объяснения данному противоречию. Богров (или те, кто манипулировал им) действовал в условиях временного цейтнота или был абсолютно уверен, что надлежащим образом его сведения проверять никто не будет.

Крайне неубедительны и выдвинутые Богровым мотивы покушения на Столыпина. Выдавший немало революционеров, часть из которых отправилась на каторгу, платный агент охранки из инициативников вдруг озаботился «реакционностью» курса Столыпина.

Однако наиболее обращают на себя внимание слова о том, что Кулябко первый (в присутствии Спиридовича и Веригина!) заговорил о билетах для «Аленского» в места присутствия императора и премьера.

Немедленно после допроса Богров в сопровождении усиленной охраны был увезен в крепость «Косой капонир», где и проходили все допросы. Однако по непонятным причинам следующий после задержания допрос прошел только 4 сентября и арестованный подтвердил озвученную им ранее версию покушения.

Следующий раз Богров допрашивается опять со значительным перерывом – только 6 сентября. На это раз

следователем по особо важным делам округа Киевского окружного суда Василием Ивановичем Фененко, в показаниях которому он подтвердил, что никакого наблюдения за ним в театре не было: *«Когда я был в театре, у меня возникала мысль, что Кулябко учредил за мной наблюдение, но я убедился, что такого наблюдения не имеется».*

Но наиболее интересно другое. Богров вдруг отказывается от прежней мотивировки совершения акта террора! Как он собственноручно написал: *«я отказываюсь объяснить причины, побудившие меня после службы в охранном отделении совершить убийство Столыпина».*

И это после заявлений, что он стрелял в премьера как в «главного реакционера»! Можно только предположить, что изменение показаний было вызвано неким внешним воздействием на Богрова.

Это был последний допрос Богрова до суда.

После предельно ускоренного следствия, которое само по себе мало что прояснило, 9 сентября состоялось заседание Киевского военно-окружного суда. Создается впечатление, что кто-то наверху хотел как можно быстрее избавиться от Богрова. Никакой необходимости в немедленном суде не было, и семья Столыпина настойчиво просила его отложить, пока следствие не выяснит все обстоятельства убийства.

Военно-окружной суд выполнил поставленное задание. Благодаря ему удалось как быстро избавиться от Богрова, так и получить удобную официальную версию, снимавшую большую часть вины с руководителей охраны киевских торжеств.

Но на суде обвиняемый дает принципиально иное объяснение своих действий, чем ранее! По его словам: «15 августа явился ко мне один анархист, заявил мне, что меня окончательно признали провокатором и грозил об этом напечатать и объявить во всеобщее сведение. Это меня страшно обескуражило, так как у меня много друзей, мнением коих я дорожил. *Мне представили такие улики, которых я не мог опровергнуть, а затем предложили, если я хочу избежать опубликования моих поступков, совершить террористический акт.* Сначала мне предложили убить Кулябку, потом Государя и, наконец, Столыпина… я должен был принять условия. Долго я колебался, а 27 августа решился, наконец, убить Кулябку и пошел с этой целью к нему. Он встретил меня очень радушно и потому я не решился убить его. *Он мне предложил билеты в Купеческий сад и другие места* (важнейшее признание! – *Авт.). Я* отказался, так как билеты мне не были нужны. *Кулябко предложил мне подождать, пока придут Веригин и Спиридович* (на самом деле Богров пришел тогда, когда Спиридович и Веригин

уже были у Кулябко. – *Авт.)*. В их присутствии я рассказал выдуманную мною историю о приезжем анархисте и барышне с бомбой.

Предложение билетов запало мне в голову и натолкнуло на новую мысль убить кого-нибудь из сановников во время царских торжеств…

Шел я в театр без определенного плана и возможно, что из театра я также ушел бы ни с чем, но слова Кулябки «уходите и больше не оставайтесь в театре» поставили предо мной вопрос – неужели опять ни с чем? *И я решился. Остановил свой выбор на Столыпине. Так как он был центром общего внимания* (какое всеобщее внимание, когда взоры присутствующих были обращены на царскую ложу, а на Столыпина никто особо не обращал внимания? – *Авт.)*… Что я делал, я не сознавал. Впервые у меня прояснилось сознание, когда меня публика стала бить. *Когда меня впервые допрашивали, я не хотел говорить правды, я бравировал, так как видел перед собою лишь враждебные лица* (а на заседании суда увидел восторженных поклонников? – *Авт.)*. Теперь я говорю правду (какую по счету? – *Авт.)».*

Новые показания Богрова мы проанализируем позже, а пока закончим рассказ о последних днях жизни террориста.

Приговор суда (утвержденный через сутки командующим войсками Киевского военного округа) гласил: «…подсудимого… как *признанного виновным в участии в сообществе, составившемся для насильственного посягательства на изменение в* России установленного законами образа правления, и в предумышленном убийстве председателя Совета министров статс-секретаря Столыпина по поводу исполнения им своих служебных обязанностей – лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение».

В 3 часа ночи 12 сентября на Лысой горе (издавна известной, как место сбора нечистой силы) приговор был приведен в исполнение.

«Вихрь предположений»

Проводивший по высочайшему повелению расследование киевских событий сенатор Максимилиан Иванович Трусевич следующим образом охарактеризовал впечатление от полученных им материалов – «вихрь предположений».

Но в любом случае из этого вихря можно уверенно исключить версию, ставшую официальной после вынесенного военно-окружным судом приговора Богрову: о том, что добросовестный агент охранки был запуган террористами и сначала пытался убить Кулябко, а потом принужден был стрелять в Столыпина. Понятно, почему официальная трактовка о причастности анархистов к убийству Столыпина была так выгодна многим высшим должностным лицам империи – она минимизировала вину властей и снимала подозрения о причастности к покушению охранки. Но разоблачается эта версия без особого труда.

Сначала немного о сути сказанного Богровым в суде и на последнем допросе. Уже после революции в советской печати появились воспоминания киевских анархистов. Из них следовало, что Богров действительно подозревался некоторыми соратниками в работе на охранку. Но в этом ничего экстраординарного не было. В революционной среде трудно было найти хоть одного революционера, в отношении которого, в условиях общей истерической шпиономании после разоблачения «азефовщины», не высказывались подозрения. Зная нравы анархистов, можно быть уверенным, что если бы подозрения в отношении Богрова были по-настоящему серьезными, то все закончилось бы очень быстро и просто.

Что касается упомянутого на суде прихода анархиста, требовавшего от Богрова совершения террористического акта с целью реабилитации, то в 1926 году бывший видный киевский анархист Петр Лятковский в журнале «Каторга и ссылка» рассказал, как все обстояло на самом деле. Он встретился с Богровым еще в марте 1911 года и никаких требований о реабилитации и совершении террористического акта не выдвигал. Процитируем слова Лятковского, сказанные Богрову: *«…ни я, ни мои т. т. (товарищи. – Авт.) от него не требуют реабилитации».* А вот что думал Лятковский весной 1911 года о подозрениях в отношении Богрова, высказывавшимися отдельными арестованными революционерами: *«Предполагать все возможно, но, не имея данных, обвинять недопустимо».*

Богров сам начал жаловаться Лятковскому на беспочвенные подозрения в отношении него и спрашивал, как он может с себя

их снять. И именно Богров первый заговорил о возможности убийства Столыпина на предстоящих осенью торжествах: «Николай игрушка в руках Столыпина… Лучше убить Столыпина. Благодаря его политике задушена революция и наступила реакция».

Лятковский не принял всерьез сказанное Богровым и больше ни он, ни другие киевские анархисты с Богровым не встречались.

Понятно, что Лятковский был искренен – лгать ему во время появления публикации не имело никакого смысла. Таким образом, можно констатировать, что Богров совершенно исказил содержание разговора, и никаких угроз в его адрес не звучало. Что же касается высказанной им мысли об убийстве Столыпина, то она имела общий характер. Да и кто тогда из анархистов не говорил, что хорошо бы убить премьера? Лятковский и воспринял слова Богрова как пустую браваду, вскоре забыв о них…

Кто и для чего инициировал изменение показаний «Аленского», мы можем утверждать уверенно из-за допущенного Департаментом полиции в спешке откровенного ляпа.

Богров до 9 сентября ни слова не говорил о том, что он совершил покушение из-за боязни разоблачения со стороны революционеров. Однако уже 4 сентября в популярной газете «Современное слово» появилась неподписанная заметка (сразу же перепечатанная многими другими изданиями) следующего содержания: «Киев, 4 сентября. Главная цель производящегося следствия выяснить, действовал ли Богров совершенно самостоятельно или по поручению революционной организации. Относительно истинной роли, которую играл Богров, *здесь все более склоняются к мнению, что он был настоящим непритворным агентом охраны, пока революционеры не начали его серьезно подозревать. Дальнейшая гипотеза такова: организация, к которой в целях сыска принадлежал Богров, предложила ему альтернативу – либо убить премьера и тем самым доказать вздорность относительно его сомнений, либо самому быть убитым за сношения с охраной.* Богров выбрал первое».

Заявление Богрова на суде было полной неожиданностью для всех присутствующих. Настолько, что Иванов счел необходимым его передопросить уже после вынесения приговора (на допросе Богров повторил сказанное ранее на заседании суда), что являлось крайне необычным в жандармской практике.

И вот, за пять дней до заседания суда, газета со ссылкой на анонимные источники абсолютно точно излагает еще неоглашенную новую версию показаний Богрова! Почти дословно рассказывает о том, чего Богров еще не говорил! Можно ли сомневаться откуда и с какой целью было инспирировано

появление данного материала? Видимо охранники, стремясь быстрей снять с себя ответственность за покушение, поторопились с размещением материала.

Показательно также, что никто не бросился искать упомянутых на суде анархо-коммунистов, которые, как следует из выступления Богрова, непосредственно виновны в покушении на главу правительства. Ведь в случае ареста (а сделать это было нетрудно), их показания начисто разрушили бы официальную версию.

В свою очередь, Трусевич, собрав девять толстых томов о киевских событиях, сделал следующий предварительный вывод о действиях Курлова, Спиридовича, Веригина и Кулябко: «Названные четыре лица допустили превышение и бездействие власти, имевшие весьма важные последствия».

Проведенное последующее предварительное следствие под руководством сенатора Николая Шульгина пришло к тем же выводам, что и Трусевич: *«В отношении всех четырех обвиняемых следует считать установленным бездействие власти, имевшее особо важные последствия».* Следующим этапом должен был быть суд по обвинению в преступном бездействии власти.

Однако он так никогда и не состоялся из-за короткой резолюции Николая II от 4 января 1913 года: «Отставного подполковника Кулябко считать отрешенным от должности. Дело об отставных генерал-лейтенанте Курлове и статском советнике Веригине, а также и о полковнике Спиридовиче – *прекратить без всяких для них последствий».*

В итоге смерть председателя Совета министров всего лишь стоила Курлову недолгой отставки, Спиридовичу – небольшой задержки с присвоением генеральского звания, Веригину – увольнения и лишения придворного звания. Не был предан суду даже Кулябко. Все ограничилось его снятием с должности и пребыванием на гауптвахте за обнаруженное в ходе расследования хищение (деликатно названное «небрежностью в хранении и расходовании») казенных средств.

А о том, что могло бы раскрыться на суде, можно предполагать многое. По странному совпадению, в том же 1926 году, когда Лятковский исчерпывающе осветил вопрос о своей встрече с Богровым, выходивший в Праге эмигрантский эсеровский журнал «Воля России» напечатал статью Егора Лазарева (Богров рассказывал охранникам, что именно через этого представителя ЦК ПСР он познакомился с «Николаем Яковлевичем»). По свидетельству Лазарева, Богров пришел к нему в 1910 году и настойчиво просил санкцию ЦК ПСР на проведение террористического акта в отношении Столыпина (ранее они

вообще не были знакомы!), на что получил категорический отказ.

Из рассказа Лазарева можно сделать следующий вывод. Кто-то (конечно, отнюдь не революционеры) тогда хотел, чтобы ответственность за устранение Столыпина взяли на себя эсеры, что сразу бы сняло все возможные подозрения. Кому же еще стрелять в премьера, как не представителю ПСР! Тогда все было бы предельно просто и понятно… Очередной акт революционного терроризма со стороны социалистов-революционеров против «тирана» – никаких недоуменных вопросов ни у кого априори бы не возникло. Но с «привязкой» ПСР не сложилось, и поэтому неестественность произошедшего бросалась в глаза современникам.

Кому же настолько мешал Столыпин, что был избран вариант убийства? Многим в ближайшем царском окружении… Ненависть с их стороны была настолько велика, что дворцовый комендант демонстративно пытался унизить главу правительства. В Киеве премьер не получил положенного ему придворного экипажа, его постоянно не включали в число сопровождающих Николая II, не пригласили в царскую ложу на ипподроме, в которой собрались все высшие сановники.

Приехав в Киев, Столыпин был уверен, что ему недолго осталось возглавлять правительство. Противоречия с царем зашли настолько далеко, что премьер собирался подать в отставку. А один из ближайших сподвижников премьера – главноуправляющий земледелием и землеустройством Александр Васильевич Кривошеин считал отставку делом окончательно решенным. По его словам, для устранения председателя Совета министров только искали «формы и поводы для… перемещения на невлиятельный пост».

Но с отставкой (о которой говорили уже давно) дело обстояло не так просто, как представлялось будущему главе врангелевского правительства Юга России (который в 1920 году пытался в Крыму возродить столыпинский курс реформ). Уже указывалось, что предыдущая отставка Столыпина царем принята не была. Как ответил, не слишком затрудняя себе объяснениями, император: «Я не могу согласиться на Ваше увольнение, и я надеюсь, что Вы не станете на этом настаивать».

Не было никакой гарантии, что на этот раз он поведет себя иначе. Да, наиболее вероятно, что рано или поздно Николай II сменил бы председателя Совета министров, но когда именно это случится – определенно предсказать было невозможно. А для некоторых противников Столыпина каждый день его пребывания у власти мешал исполнению их планов, а иногда и угрожал крайне неприятными последствиями. Исходя из этого, вряд ли

можно считать убедительным аргумент о том, что придворной клике не имело смысла насильственно устранять Столыпина по причине его готовящейся близкой отставки.

Так, можно с очень большой долей вероятности допустить, что одним из движущих мотивов действий Курлова была назначенная Столыпиным ревизия секретных фондов МВД, которая должна была начаться сразу по окончании киевских торжеств. У шефа жандармов была репутация человека весьма нечистоплотного в отношении казенных средств (особенно после скандального развода и женитьбы на обладавшей незаурядными запросами молодой красавице графине Армфельдт), и вряд ли он преодолел соблазн запустить руки в почти неконтролируемые секретные фонды. А обнаружение крупных хищений (согласно ряду свидетельств, министр внутренних дел уже получил конкретную информацию по этому поводу) грозило не только увольнением – Столыпин бы обязательно добился предания виновных суду. В этом ему не смог бы помешать даже всесильный Дедюлин.

Встреча Богрова с Лазаревым доказывает, что подготовка покушения на Столыпина не была импровизацией, а велась достаточно давно. Возможно, все так бы и осталось неосуществленным резервным вариантом, если бы не спусковой крючок в виде приближения ревизии секретных фондов. Курлов не мог дожидаться гипотетической отставки Столыпина и готов был «подыграть» царскому окружению (тому же дворцовому коменданту) в устранении своего начальника любыми способами, причем даже без получения конкретного приказа. Особенно, если ему была ранее (возможно, перед беседой «Аленского» с эсеровским представителем) гарантирована безнаказанность.

Единственный человек, который мог дать такие гарантии Курлову – это Дедюлин. Можно было бы еще сказать о Распутине – как мы помним, ряд его действий (и наличие мотивов) делает подобное допущение правдоподобным, но все же дворцовый комендант больше подходит на роль главного руководителя антистолыпинского заговора. Его положение было несравненно прочнее, чем у «старца», а влияние на царя и весь бюрократический аппарат значительно осязаемее и надежней. Дворцовый комендант мог действовать не через мистически настроенную императрицу, а напрямую через императора. Да и его собственного влияния было достаточно, чтобы решить практически любой вопрос.

Однако Курлов в силу своей профессиональной некомпетентности никак не мог быть непосредственным техническим организатором покушения. На данную роль более

всего подходит великолепный специалист по работе с секретной агентурой и тонкий знаток ее психологических особенностей Спиридович. Амбициозный жандармский полковник был давно ориентирован на Курлова и связывал с ним свои дальнейшие карьерные планы. Для ученика великого агентуриста Зубатова отнюдь не было невозможным разработать план задействования в покушении осведомителя без риска для безопасности императора. Тем более, Спиридович официально отвечал только за охрану царя и поэтому ничем особо не рисковал даже в случае начала серьезного расследования.

В свою очередь, Веригин и особенно Кулябко были фигурами несамостоятельными, и можно было быть уверенным в исполнении ими всех полученных указаний своих патронов. Вероятно, начальник Киевского охранного отделения, полностью находившийся под влиянием Спиридовича, был изначально предназначен на роль «стрелочника», что, впрочем, грозило ему не больше, чем увольнением со службы.

Почему в чужой для него игре участвовал Богров, определенно сказать нельзя. Как и, впрочем, нельзя сказать, что его изначально толкнуло в объятия охранки… Возможно, «Аленскому» просто нравились игры со смертью, а жизнь не представляла ценности. Да и вообще – возможно ли с позиций логики и здравого смысла анализировать действия человека, как будто сошедшего со страниц одного из романов Достоевского? О совершенном равнодушии к жизни свидетельствует, в частности, и поведение Богрова после оглашения приговора. Достаточно было подать кассацию, и только это оттянуло бы казнь (а в случае отклонения кассации существовала еще возможность обратиться лично к царю за помилованием).

Увы, ключевые участники и свидетели тех событий, в силу разных причин, унесли с собой в могилу известные им тайны. В отличие от них, находившийся в эмиграции вождь большевиков знал о киевских событиях только из газет, но в статье, посвященной смерти Столыпина, точно отметил, что его политическая биография «есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии». В полной мере это относится и к насильственной смерти премьера, для которого несравненно более опасными оказались «стоящие у трона» враги, чем революционные террористы.

А последним было чему радоваться. Им сразу стало ясно то, что Крыжановский констатировал уже после катастрофы революции: «Со смертью его сила государственной власти России пошла на убыль, а с нею покатилась под гору и сама Россия». В этом была закономерность истории – великие реформы требовали

великого реформатора, а без них империя Романовых была обречена…

notes

Примечания

1

Боясь усиления польского влияния, в западных губерниях губернских и уездных предводителей дворянства также не избирали, а назначали.